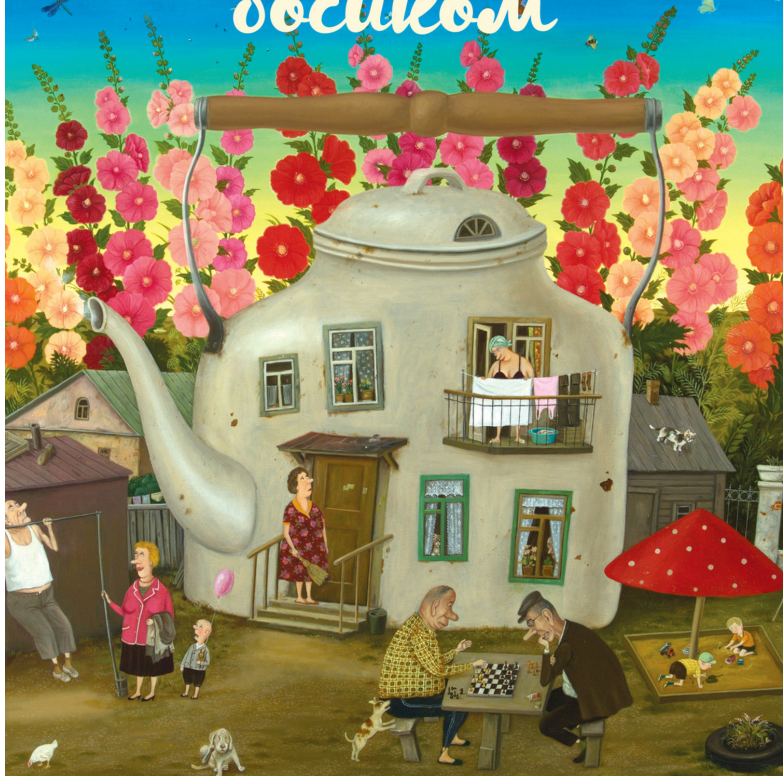

Лана Барсукова

Счастье ходит босиком

Лана Барсукова
Счастье ходит босиком
Серия «Простая непростая
жизнь. Проза Ланы Барсуковой»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51677596

Счастье ходит босиком: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-109046-3

Аннотация

Мы несемся по жизни, едва успевая перевести дыхание и переобуться на ходу. Кроссовки – для здоровья, острые шпильки – для карьеры, тапочки – для дома. Только что были босоножки, и опять – зимние сапоги. И бежим, бежим, бежим... Словно там, за поворотом, нас ждет что-то такое, чего нам не хватает для полного счастья.

И в этом беге не замечаем, что счастье рядом. Оно еле уворачивается от нашего стремительного натиска, боится приблизиться, чтобы его не затоптали. Оно опасно поджимает ноги, чтобы их не отдавили наши жесткие каблуки. Ведь счастье ходит босиком...

Лана Барсукова

Содержание

Предисловие	5
Идеальный брак	6
Изнанка	44
Дунькина радость	72
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Лана Барсукова

Счастье ходит босиком

© Барсукова С., 2020

© Губарев В., иллюстрации, 2020

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

Мы несемся по жизни, едва успевая перевести дыхание и переобуться на ходу. Кроссовки – для здоровья, острые шпильки – для карьеры, тапочки – для дома. Только что были босоножки, и опять – зимние сапоги. И бежим, бежим, бежим... Словно там, за поворотом, нас ждет что-то такое, чего нам не хватает для полного счастья.

И в этом беге не замечаем, что счастье рядом. Оно еле уворачивается от нашего стремительного натиска, боится приблизиться, чтобы его не затоптали. Оно опасно поджимает ноги, спасаясь от наших жестких каблуков. Ведь счастье ходит босиком...

Пусть эти рассказы напомнят нам об этом. Возможно, счастье приблизится к нам, зачарованно идя на звук переворачиваемых страниц.

Лана Барсукова

Идеальный брак

Иван Петрович в свои шестьдесят лет был хоть куда. Как говорится, хоть в пир, хоть в мир. Хотя так про людей не говорят, только про одежду. Но ведь, по сути, правильно. А вот жена подкачала.

Они были ровесниками. Но Иван Петрович старел постепенно, по плавной, даже, можно сказать, по пологой кривой. Жена же, Вера Семеновна, наоборот, долго хранила молодость, вызывая удивление и зависть окружающих, а потом просто рухнула в старость.

Стали мелко трястись руки, кожа пигментировалась, ноги стали как тумбы, а на загривке вырос холмик, отчего казалось, что она постоянно тянется головой вперед. Как гусыня, которая гонится за обидчиком. Нет, особого безобразия не наблюдалось. Но скорость перемен озадачивала. В глазах любого знакомого читалось: «Да! Сдала Вера. А ведь какой была!»

Конечно, и Иван Петрович уже не мальчик. Но он никогда не был красавцем, с него и спрос другой. К тому же к переменам в его внешности окружающие успевали привыкнуть и потому словно не замечали их. Его увядание похоже на осень, которая подкрадывается незаметно, отдавая желтому и красному цвету сначала один листочек, потом еще парочку, и еще, и еще. Как будто десантный отряд желтых

разведчиков в окружении надменных зеленых собратьев. Десант, обреченный на победу. И никто не может сказать, когда началась осень, какого числа и в котором часу.

А с Верой Семеновной природа разыграла другой сценарий. Как будто на зелень листвы выпал снег, лежит и не собирается таять. И холодно вокруг. Холодно и грустно, потому что обратного хода нет. Прямо с этого самого дня и часа, хоть в дневник запиши: «Прощай, лето!» Как там в песне поется? «У природы нет плохой погоды». Смотря для чего. Если у камина сидеть, то и вправду нет. Но для этого камин нужен и дом соответствующий. К старости надо готовиться, как к зиме. Заготовки делать.

У Ивана Петровича камина не было. Дача годилась только для летнего проживания. Получается, что они с женой плохо подготовились к зиме их жизни. Как-то так вышло, чего уж теперь. Но на даче было душевно и свободно. Допускалось носить старые трико и линялые шорты. Иван Петрович, в прошлом военный, это особо ценил, потому что гражданскую одежду воспринимал как огромное послабление, почти баловство.

Шорт и футболок было много, потому что зять любил одеваться. Постоянно покупал себе новую одежду, а старую отдавал донашивать тестю. «Брендовая вещь, между прочим, немереное бабло отдал в свое время», – нахваливал он то, от чего избавлялся. «Пижон», – вздыхал Иван Петрович. В его понимании мужик должен уметь отличать майку от ру-

башки, но не более. Он не любил зятя, но терпел, лишь бы дочери хорошо было.

Несмотря на отсутствие камина, Ивану Петровичу нравилось жить с женой на даче. Тихо, спокойно, хлопоты по мере сил. И никакого напряжения, к которому он привык за долгую жизнь. Они тихо живут с Верой, в огороде ковыряются, детям варенье варят. Зять, хоть и пижон, покушать любит.

Вот и сегодня дочь с мужем должны приехать. Детей сдали в лагерь, который Иван Петрович по старинке называл пионерским. Зять морщился и каждый раз поправлял тестя. «Нет больше вашей пионерии, вы бы еще коммуны вспомнили». Пижон и зануда, одно слово. И как с ним дочка живет?

На этот раз дочь Надя приехала одна. Иван Петрович переглянулся с женой и поймал в ее глазах отражение собственных мыслей. С одной стороны, приятно увидеть дочь без этого нудного довеска. Но с другой – неправильно это. Дочь здесь, а зять там. А дети вообще в лагере. Может, что-то случилось?

– Одна почему? Муж не смог? Приболел? – не выдержала Вера Семеновна.

– Потом, мам. Дай передохнуть. У вас тут опять все перекопали, как через окопы пробиралась. – И Надя согнулась, чтобы очистить босоножки от комков глины.

«Глаза прячет», – подумал Иван Петрович, но сказал спокойно:

– Соседи газ проводят.

– Газ это хорошо, – ответила Надя и прошла на крыльцо.

Вера Семеновна ткнула мужа локтем и сделала тревожные глаза. Он пожал плечами.

– У вас все хорошо? – опять засуетилась мать.

– Мам, сказала же, потом.

– С детками? Надь, ты нас не жалеешь! С детками что-то?

– С детками все хорошо.

– Тогда с кем? – не сдавалась Вера Семеновна. – С кем плохо?

– Ну почему плохо? Почему вы не можете жить, не превращая все в трагедию? У меня все хорошо. Вы меня услышали? Хо-ро-шо.

Вера Семеновна недоверчиво изобразила улыбку. Иван Петрович ждал продолжения. И дождался.

– Просто мы разводимся.

Повисла пауза.

Старики молчали со скорбными лицами.

– Господи, как мне это надоело! – Надя зло посмотрела на родителей. – Ну что? Мне еще вас утешать? Вы всю жизнь вместе и даже представить не можете, как в жизни все непросто... как сложно... вы... вы будто всю жизнь в пионерском лагере прожили...

Старики устыженно молчали.

– Вань, ну как так? Ты мужик видный, а с Верой у тебя какой-то винегрет? – говорил майор, перебравший самогона. – Она ж у тебя на носу с Валеркой мутьки мутит.

– Помолчи, – шумно дышал через нос его боевой товарищ, совсем младший лейтенант Иван.

– Я-то, Вань, помолчу, а люди не помолчат. Она ж, зараза, даже не скрывает. Я тебя как старший по званию спрашиваю: и где ты такую нашел?

– Не твоего ума дело! – угрожающе рыкнул Иван.

– Может, и не моего, а только она нашим женам пример подает неподобающий, блядский пример, скажу тебе, – продолжал подвыпивший майор.

Алкоголь усыпляет бдительность. Майор не заметил, как тяжелый кулак боевого товарища описал короткую дугу и впечатался ему в нос. Кровь, брань, партийное собрание... Майор человеком оказался. Сказал, что из-за «Спартака» поспорили, поэтому и подрались.

Только все равно перевели за полярный круг служить. Да оно и хорошо, подальше от Валерки. Он слабак – за Верой на север не поехал. А ее даже жалко было, она украдкой на вокзале оглядывалась, дурочка. «Да не придет он», – хотелось сказать Ивану, но он молчал, делал вид, что чемоданы пересчитывает. Балабол этот Валерка, пустозвон и трепло.

Даже под фуражкой умудрялся себе модный кокон делать и бляху на ремне начищал, как петух. Только молодые дурехи могут по такому сохнуть. Вот такие, как его Вера, она ж молодая еще, яркая, звонкая.

Когда Иван думал о жене, его захлестывала какая-то отеческая забота и даже чувство вины, словно он не уберег ее от соблазна, оставил одну наедине с этим обольстителем. То, что они с женой ровесники, не в счет. Он мужчина, стало быть, умнее и старше по определению, а не по дате в паспорте. Сам виноват, вечно на службе. А что ей оставалось? Не дома же сидеть. Детей нет, хозяйство походное, квартира казенная. Выходило, если подумать, что это даже изменой считать нельзя. Так, возрастная болезнь вроде кори или ветрянки. И чем раньше переболела Вера, тем лучше.

На северах все поначалу шло нормально, но Вера замерзать стала. Как-то изнутри ее подморозило. Скучная стала, тихая, как будто ледышка внутри. И румянец ушел. Иван очень переживал по этому поводу, на недостаток витаминов списывал. И, чтобы вернуть румянец, стал почаще заглядывать на склад, интересоваться поступлением апельсинов в продажу.

Апельсинами ведала увядающая красавица Тамара, с которой смело можно пойти в разведку. Она своих не сдавала.

– Тамар, апельсины не завезли?

– Я тебя умоляю.

– Не понял. Так завезли, что ли?

– Ага, приключилось такое чудо случая. Весь склад в апельсинах. Не слышишь, как воняет?

Вонь была не цитрусовая.

– Тамар, а что слышно? Обещают?

– Ага, обещают.

– Когда?

– Когда коммунизм построят.

– Никогда, значит?

А она только плечиком поведет да рассмеется во всю ширь зубов.

Иван сначала про апельсины думал, а потом про ее зубы все чаще стал размышлять. Как ей удастся зубы в таком порядке содержать? И как-то невзначай мысль стала петлять, вбок заваливаться: а все остальное у нее тоже в таком же образцовом порядке? Ну там, грудь, например.

И вот уже Иван почему-то стал краснеть, спрашивая про апельсины.

Однажды случилось непредвиденное, хотя вопрос был вполне невинен:

– Апельсины не завезли, а, Тамар?

– Какие такие апельсины?

– Ну круглые такие, крепкие, – и покраснел.

– Может, мандаринки сгодятся?

– Мне бы апельсины. Мандарины мелкие и костлявые, – покрылся испариной Иван.

Тамара догадливая была, не зря же с ней в разведку идти

можно было. Подошла сама, взяла его руку и на грудь положила.

– Такие?

Ивану показалось, что ему апельсиновым соком в глаза прыснули. Или прямо в кровь этот гадский сок ввели, потому что он против всех своих убеждений и принципов завалил Тамарку на мешок с чем-то сыпучим, податливо принявшим форму их тел. И все – пропала его супружеская верность. Как говорится, ни за грош, ни за копейку. А за апельсинки.

Тамарка ему две полные сетки нагрузила и даже смеяться перестала. Денег не взяла. Вроде как ей неудобно стало. Но напоследок сказала, что скоро ананасы завезти обещают.

Иван принес эти круглые, господи, ну до чего же круглые и упругие, апельсины домой и разложил по тарелкам. Расставил эту красоту по квартире. На журнальный столик, на спинку дивана, на полку поверх книг. И снова на журнальный столик. Потому что комната была маленькая, а апельсинов было много. Со стены на это пиршество смотрела египетская царица Нефертити, и, как показалось Ивану, в ее взгляде было какое-то презрение. Она продавала себя дороже.

Хлопнула дверь, пришла Вера. Иван замер и затаил дыхание. Он боялся разоблачения и одновременно чувствовал себя героем. Раздобыть апельсины зимой за полярным кругом – это, конечно, не геройство, но что-то героическое в этом есть.

Вера зашла и ахнула. Но прежде чем она ахнула, букваль-

но за секунду до этого, Иван успел заметить, что Вера вполне себе румяная. И блеск в глазах такой, что хоть прикуривай от нее.

Но, как потом выяснилось, прикуривать от нее начал не Иван. А Федор. Был такой щегол в их гарнизоне, самодеятельностью заведовал. Он создал театр, где практически все роли исполняли женщины. Как театр кабуки, только наоборот. Японцы в своем театре только мужчинам роли давали. Иван потом много про театр читал и понял, что правы японцы – мудрецы узкоглазые. Тысячу раз правы. И как они в свои щелочки разглядели, что если человек голос или тело ломает, то у него и внутри что-то ломается? И получается, что блуд – это не грех, а побочное свойство профессии. Женщин от этого ремесла подальше держать надо.

Опять выходило, что Вера не виновата. Если другой артистке можно, то чем она хуже? А она, по правде говоря, даже лучше. Иван смотрел на жену и тихо сам себе завидовал. Вера у него красивая и светлая, наивная и любознательная. Такую беречь надо, за ручку на курсы кройки и шитья отвести. А он с утра на службу, и разбирайся со своей жизнью, как знаешь. Вот она и пошла в театр записываться. Ну а дальше от нее уже ничего не зависело, дальше все по японским заветам получилось. Можно сказать, профессиональная деформация личности с ней приключилась.

Иван жену не ругал, вообще никак свое знание не проявлял. Как в кулак себя зажал, аж костяшки побелели. Терпел

до премьеры. Нельзя же человеку праздник портить. Вера столько сил на эту роль положила, перед зеркалом репетировала, платье из тюлевой занавески шила. Занавеска была почти новая, ей бы еще висеть и висеть.

– Зачем ты так? Может, не надо?

Вера молчала, потом тихо прошептала:

– Иван, прости, но я не могу иначе.

– Ну раз тебе это надо...

– Иван, ты святой.

– Да ладно. Чего уж теперь. Буду в городе, новую занавеску куплю.

– Так ты про занавеску? – Вера осела на кровать.

Потом зло посмотрела и добавила:

– Нет, Ванечка, ты не святой. Ты юродивый.

– Какой есть, – обрубил разговор Иван, – руки помой, сейчас ананас есть будем.

Ананас подогнала Тамара. В продажу это заморское чудо не поступало.

Когда Ивану становилось неважно и кулак, в котором он себя держал, начинал предательски дрожать и разжиматься, ему становилось страшно. Как будто у него зажата чека от гранаты, и вот-вот может рвануть, да так рвануть, что вся его жизнь разлетится на мелкие кусочки. В такие минуты, испуганный своей слабостью, Иван шел на склад к Тамаре. Он уже знал, что на мешках с мукой очень жестко, а мешки с сахаром противно скрипят, что лучше всего получается на

ровных коробках с кабачковой икрой. Ему было противно, он стыдился самого себя, но зато потом, когда приходил домой, ревность уползала куда-то в чулан, вытесненная виной перед женой. Так останавливают пожар, организуя встречное пламя.

Иван терпел, ожидая премьеры, чтобы с упоением набить морду Федору. А пока нельзя. Как артист с побоями на сцену выйдет? Спектакль придется отменять. Вера расстроится. Да и занавеска зря пропадет.

И вот настал долгожданный день премьеры, весь гарнизон собрался в клубе. На сцене маялись от невыносимой любви Ромео и Джульетта, они же Федор и Вера. Иван сидел во втором ряду и делал вид, что увлечен спектаклем. Он сжимал кулаки, и они радостно похрустывали в предвкушении скорой развязки. Окружающие следили за сюжетом в полглаза, потому что концовку знали заранее. Все умрут, и любовь восторжествует на крышке гроба. Но дело даже не в этом. Куда интереснее было наблюдать за Иваном. Все знали про Веру и Федора. Гарнизон – это вам не какая-то там Верона, тут ничего не утаишь. В воздухе пахло настоящей драмой, интригой. Шекспир проигрывал с разгромным счетом.

Когда возбужденный Ромео наконец-то прижал к груди великовозрастную Джульетту, весь зал повернул головы к Ивану. Артисты были оставлены без внимания, потому что всем хотелось увидеть то ли скупую мужскую слезу, то ли ходящие желваки на лице главного героя этого вечера. Даже

сидящий в первом ряду полковник грохнул об пол портсигар, чтобы повернуться и поискать его между рядами, заинтересованно мазнув взглядом по Ивану.

Хлопали артистам очень долго, буквально не отпускали их со сцены несмолкаемыми аплодисментами. Потому что никто не хотел уходить, начиналось самое интересное. Все следили за Иваном. Одни готовы были выступить в роли секундантов, другие – не прочь оказать дружескую помощь, потому что претензии к Федору имели многие офицеры. Аплодисменты переходили в овации, прямо как на съезде компартии.

Но Иван выдержал мхатовскую паузу. Чинно вышел из зала и пошел, посвистывая, домой. Публика разочарованно выдохнула. Спектакль был отнесен к разряду посредственных, а Шекспир признан устаревшим.

Иван дошел до темного переулка, свернул в него и обходным путем вернулся в клуб. Зашел с заднего входа, сильно поскрипев на крыльце. Застать пикантную сцену ему не хотелось. Он осторожно постучался в кладовку клуба, по случаю премьеры переименованную в гримерку, и услышал приветливое «Войдите». Прозвучало это как дуэт Ромео и Джульетты. Иван открыл дверь и замер – Вера и Федор ели ананас.

– Иван? – удивилась жена.

– Мы тут что-то типа фуршета решили на двоих соорудить, – засуетился Федор.

– Ну ты и гад, – просипел обомлевший Иван.

Иван был потрясен. Ананасы предназначались только для высшего командного состава, куда Федор даже близко не входил. Тамара, конечно, как опытный складской работник какие-то штучные ананасы приберегала для особых случаев. Например, для Ивана. Выходит, не только для Ивана. Ананасы просто так Тамарка никому не раздавала. Их мало, а мужчин в гарнизоне много. Ананасы нужно было заслужить.

– Что ж ты, гад, делаешь? И нашим, и вашим? Наш пострел везде поспел? И в клубе, и на складе?

Иван до глубины души был оскорблен тем, что Федор изменяет его жене. Ладно, любовник, что неприятно, но такой, который на два фронта старается, это вообще плевок в душу.

– Ананасов захотел? Будут тебе ананасы!

– Не понял, – на всякий случай отодвинулся от ананаса Федор.

– Сейчас поймешь, – сказал Иван и ударил Ромео в переносицу.

Но обещания не сдержал – Федор ничего не понял. В принципе, он знал, что ему есть за что получить от Ивана. Но при чем здесь ананасы? Это даже обидно, когда тебя бьют, а ты не знаешь всех деталей.

– Ваня, прекрати! – закричала Вера. – Что ты за человек? Тебе что, ананасов жалко? Ну взяла я один, так что? У нас же премьера! Не знала, что ты такой мелочный. – И она залилась слезами на груди окровавленного Ромео. Получилось

даже лучше, чем на сцене.

Иван понял всю нелепость ситуации. Ананас выкатился из их кухни. Получается, что он набил морду Федору по ошибке. И вся его долго-долго вынашиваемая операция пошла наперекосяк. Вроде бы, как и планировалось, Федор получил по морде. Но получил-то не за то. Хоть прощения у него проси. Но это вообще водевиль какой-то выйдет.

У Ивана на душе было мерзко, как у следователя, который упек наркобарона в тюрьму за соращение малолетки, с которой тот даже незнаком. Вроде бы и правильно сделал, но как-то коряво.

Вместо праведной мести остался привкус конфуза. Иван не чувствовал в себе моральной правоты, с высоты которой можно указать Вере на дверь или самому гордо переступить порог со словами «Прощай!». Вместо этого он сипло сказал жене:

– Пошли домой!

И они пошли. И стали жить как прежде. С той только разницей, что ананасы в их семье были под запретом.

* * *

Через три года в их семье родилась крохотная дочка. В ней все было прекрасно: и беззубый ротик, и лысая макушка, и кривые ножки. Иван просто млел от такой красоты. Но эпицентром красоты, можно сказать, ее апофеозом была ро-

динка на пятке, точная копия отметины, которой природа наградила Ивана. И когда маленькая Наденька тянула ножку в рот, чтобы пососать большой палец, родинка выставлялась на всеобщее обозрение.

В эти моменты Ивана переполняла нежность и гордость, что дочка точно его. Все-таки история с Федором, хоть и затерялась в прошлом, но оставила в душе язвочку, которую время не лечило, а только забрасывало хламом новых событий. Вроде забылось, а нет-нет и царапнет. Иван терся носом об эту родинку, чтобы лишний раз порадоваться, что это не присохшая грязь, не прилипшая соринка, а самая настоящая родинка. Как у него. И может, даже как у его отца.

Хотя откуда было взяться грязи на розовой пяточке? Вера оказалась чокнутой мамашкой, просто рухнувшей в материнство, она служила дочке, как фанатик своему божеству.

Вера жила в ритме Наденькиного дня – ночью баюкала, нарезая круги по комнате, а днем билась от недосыпа об косяки. Иван с утра уходил на службу, поэтому он подключался к ночным вахтам только в крайних случаях, когда зубки или газики делали Наденьку особенно беспокойной. А так Вера сама управлялась, засыпая днем едва ли не стоя. И ела-ела – чтобы было молоко, и чтобы оно было жирное, чтобы Наденька хорошо набирала вес. Наденька с поставленной задачей справлялась. Но особенно хорошо набирала вес Вера. Ее тело стало, как взбитая перина, мягкое и объемное. Халаты, в которых Вера ходила по дому, миролюбиво вмещали

в себя ее телеса, лишь укорачивая день ото дня концы пояса.

Иван старался не вспоминать прошлое, но иногда в голову лезло: да, сейчас ей бы роль Джульетты не дали, только кормилицы.

Но самое неприятное – то, что Вера в своем материнстве дошла до полного единения с дочкой. Ее жизненный мир схлопнулся до горшков и пеленок. Иногда Ивану казалось, что жена по уму сравнялась с Наденькой, у них было словно одно сознание на двоих. Вера чувствовала Надю как второе «я». Она безошибочно угадывала, когда Наде нужен косою заяц, а когда кукла. А муж вечно путал и протягивал не то.

Иван приходил с работы и спрашивал:

– Как вы тут?

– Прекрасно! Закрой глаза, сюрприз.

Иван закрывал глаза, но лучше было заткнуть нос. Ему под нос совали горшок.

– Что это?

– Это Наденька сама на горшок сходила! Представляешь? Я, главное, отвлеклась, на кухню отошла, а тут такое! Господи, как обидно, что своими глазами не увидела.

Вера страдала так, словно пропустила солнечное затмение, которое случается раз в сто лет. Впрочем, затмение, наводнение, извержение вулкана – все это мелко по сравнению с тем, что Наденька сама взгромоздилась на горшок.

Иван понимал, что ему повезло с женой, что она прекрасная мать и что его располневшую жену никто не уведет. Не

родился еще такой мужчина, который соблазнит женщину, чей взгляд прикован к детскому горшку. Все к лучшему.

Он сам давно порвал с Тamarой. Сразу после недоразумения с ананасом. Обходил склад по выгнутой дуге. По этой же дуге его настигали известия, что на склад завозили то манговый сок, то бананы. Он игнорировал эти позывные. Вышло, что теперь они с Верой – идеальная супружеская пара, верная друг другу и преданная дочке. Но как-то кисло было Ивану от такой правильности.

Иногда закрадывалась крамольная мысль: а что хорошего ему от этой верности? Толстая жена и полное отсутствие мангового сока. А какой он на вкус, этот сок? Даже попробовать не успел.

На фоне семейной идиллии прошлые страсти казались ему вовсе не такими уж и отвратительными. Да, было дело, Вера водила шуры-муры с Федором. Зато как он ее ревновал тогда, как билось сердце, когда она роль Джульетты учила, обернувшись занавеской. Как он хотел ее вместо занавески чадрой покрыть, чтоб с ног до головы, чтоб только его была. И вот она его. Без чадры и без занавески. В безразмерном халате и с мокрыми пятнами на груди, потому что молоко просачивалось сквозь любые препоны. Это, конечно, хорошо, что у дочки полноценное питание. Но как-то неприятно смотреть на эти мокрые разводы, и подленько так в памяти всплывает слово «вымя». Неправильное слово, грубое, но липкое. Иван стыдился таких мыслей, конечно. Но изба-

виться от них не мог. И опять выходило, что нет ему покоя.

* * *

Время шло. Наденька встала на ножки. А СССР, наоборот, рухнул как подкошенный. Ананасы с бананами, апельсины и манговый сок стали общедоступными. Правда, почему-то вместе с обилием товаров появился дефицит денег. То есть на полках все появилось, а в кошельках как-то прохудилось. Зато появилась свобода, можно было говорить всю правду-матку, особенно про советские порядки. Вера неожиданно встала на их защиту.

– Да когда уже все устаканится? – бухтела она.

– Что? В застой потянуло? – муж бдительно пресекал контрреволюцию.

– Там хоть зарплату выдавали без задержек.

– Как ты не понимаешь, что свобода важнее?

– Ваня, ты мне собаку напоминаешь, у которой кормушку отодвинули, зато лаять разрешили.

В последнее время Вера стала раздражительной и резкой. Причина крылась не только в идеологических разногласиях с мужем.

Вера решила худеть. Видимо, ей было легче это делать, войдя в резонанс со страной. Страна, вставая с колен, стряхивала с себя тяжесть экономики, облегчаясь день ото дня. И Вера решила сбросить лишние килограммы. Она буквально

морила себя голодом. Утром съедала овсянку на воде, днем, как кролик, грызла морковку, а вечером заклеивала себе рот скотчем. Фигурально выражаясь.

Ивану стало тошно бывать дома. Казалось бы, какая ему разница? Ну не ест жена – пусть не ест. Ее тело и ее дело. Ему-то она готовила, в холодильнике всегда стояла кастрюля борща. Но, во-первых, в свете их споров это смахивало на политическую голодовку, что раздражало Ивана. А во-вторых, и это главное, ему стало стыдно при ней есть. Борщ не лез в горло. Каким-то садизмом попахивало: сидеть и чавкать перед голодным человеком.

И Иван стал все чаще заходить в конце рабочего дня в столовую, чтобы прийти домой сытым.

Сначала повариха Соня наливала ему порцию борща и спрашивала: «Сметану добавить?» Потом перестала спрашивать и молча клала сметану. Наконец она стала со всей душевностью комментировать: «Сметанку положила, как вы любите». И порция стала заметно больше, прямо до краев. А посередине тарелки возвышался крупный кусок мяса – монолитный, без костей и прожилок.

Иван это не сразу углядел. Пропустил удар, можно сказать.

Тем временем Соня входила в новый образ. Ей нравилось быть спасительницей Ивана.

– Сонь, опять твой пришел, – хихикали девчонки на кухне.

– Га-га-га! – передразнивала их Соня. – И чего смешного нашли? Не видите? У человека семейное горе, жена не кормит.

– Так, может, она его еще чем-нибудь обделяет? – скабрено шутили девчонки.

– Может, и так, – с надеждой говорила Соня.

– Так, может, там все к разводу идет? Ты бы узнала, – советовали добрые коллеги.

– Кто его знает, – глядя вдаль затуманенным вздором, печалилась Соня, – и такого мужчину не ценить...

Соня заранее готовила столик у окна для Ивана, собирая на нем салфетки в соблазнительный веер и убирая жесткую директивную табличку «Пальцами и яйцами в соль не лезть».

Иван всегда садился на одно и то же место, спиной к раздаче, поэтому не видел, как по-бабьи сострадательно, подперев рукой щеку, за ним наблюдает повариха Соня.

Но наблюдать Соне было мало.

– Ничего, если я рядом присяду? – однажды Иван услышал голос поварихи.

– Конечно, – машинально ответил он.

Соня присела и объяснила:

– Жарко там у нас, печка чисто мартена. А тут окошко приоткрыто, прямо как рай. Свежо, и мух нет.

И потупилась от избытка поэзии.

– Конечно, посидите, отдохните, – смутился Иван, окиды-

вая взглядом пустые столики вокруг.

Повисла неловкая пауза.

– Да вы кушайте, а то остынет.

– Я кушаю.

– Кушайте-кушайте! А я тихонечко посижу. – И она привычным жестом подперла щеку рукой.

Ивану ничего не оставалось, как кушать свой борщ. Сначала он давился, стеснялся. Но Соня тихо сидеть не могла. Она начала рассказывать, почему у них печка «чисто мартена» – потому что ее по конверсии «из радиоактивных снарядов переделали». Иван сдержанно хохотнул. Потом Соня пожаловалась, что тараканы на кухне перестали от китайской потравыдохнуть, и теперь в рамках все той же конверсии «будут новую потраву из бактериологического оружия делать, чтобы сначала на тараканах попробовать, а потом на китайцах». Иван хохотнул смелее. И борщ как-то легче пошел.

– А вы, я смотрю, мужчина веселый. И аппетит у вас хороший, – похвалила Соня.

– Спасибо, стараюсь, – невпопад ответил Иван.

После таких комплиментов он, как честный человек, просто обязан был познакомиться:

– Вас как зовут?

– Соня. А вас?

– Иван.

– Ну вот и хорошо, вот и познакомились.

Ветерок теребил шторы. Соня плавно встала, и Иван оценил правильные пропорции ее тела, незнакомого с голодовкой. Всего много, но без перебора. Как борща в его тарелке – до краев, но не переливается.

– Пойду я, что ли? – тягуче спросила Соня.

Она спросила так, как будто проверяла Ивана на сообразительность. И ему захотелось доказать, что у него помимо чувства юмора и хорошего аппетита есть еще достоинства. Например, что он не тупой.

– Посидите еще, – сказал Иван.

Но, увидев искорку в глазах Сони, смутился и добавил:

– Пока я борщ доедаю.

Соня присела. И щедро улыбнулась ему. Иван машинально отметил, что зубы у нее хуже, чем у Тamarки, зато грудь высокая, как у Зыкиной. И сам удивился причудливости сравнения.

На следующий день Соня уже не спрашивала разрешения присесть рядом. Отныне это было ее место.

И Иван принял это как новый порядок вещей. Он привык и к нестандартной порции борща, и к щедрому куску мяса в тарелке, и к веселой болтовне приятной на внешность поварихи. Без нее ему уже было скучно ужинать.

Иван не хотел изменять жене, он строго решил, что границу борща их интимность не перейдет.

Но пришел черный день, когда командование объявило ему о сокращении в армии, потому что воевать стало не с

кем, раз мы влились в братскую семью рыночно-ориентированных народов. Иван давно чувствовал, что к этому все идет, но до последнего надеялся остаться в редеющих рядах российской армии. Не вышло. Новость ударила его под дых. Хотелось выпить, и выпить много, чтобы утопить обиду, злость и растерянность.

Иван представил себе, как он принесет это известие домой. И как Вера скажет:

– Ну? Ты и теперь будешь за демократов глотку рвать?

Или:

– Что? Получил свободу? Освободили тебя от службы?

Или не скажет, но подумает. Обязательно подумает так.

И восторжествует от осознания своей контрреволюционной правоты.

«Тошно-то как», – думал Иван, заруливая в столовую. К борщу он попросил стопочку водки, потом еще одну. После очередной стопочки Соня сказала, что столовая закрывается, но у нее дома тоже есть водка. На том и порешили.

Так вышло, что в один вечер Иван потерял и работу, и супружескую верность. Правда, печалился он больше по поводу армии.

* * *

Новая работа не сразу, но нашлась. Помогла Соня. Переговорила с братом, который удачно вписался в исторический

вираж, о чем свидетельствовали золотая цепь и громоздкий мобильный телефон, напоминающий рацию.

По этому телефону-рации брат позвонил неведомому Толяну:

– Толян, ты мне человечка пристроить можешь?

В трубке затрещало.

– Не, Толян, он руками не очень может...

Треск повторился.

– Не, Толян, головой тоже, он военный.

Треск стал громче.

– Понял, Толян, без базара. Ну все, Толян, я твой должник.

Иван стоял рядом и стеснялся самого себя.

– Ну все! – бодро сказал брат. – Завтра иди оформляйся. Будешь линолеум на строительном рынке резать.

И Иван пошел. А что было делать? Вера с Наденькой призывкли питаться регулярно.

Кстати про Веру. Как только денег не стало, она завязала с похудением. Было в этом что-то вредительское. Она опустошала холодильник, как саранча, которая съедает больше своего веса. То ли соскучилась по еде, то ли хотела окончательно доказать Ивану свою политическую правоту и прозорливость, чтобы ему рынок медом не казался. Материальная сторона жизни стала напряженной и взрывоопасной. Иван резал линолеум, а Вера резала колбасу и делала это как-то сноровистее. Холодильник регулярно имел сиротское напол-

нение.

Но самое обидное, что в это время с другого фланга Ивана стала подавливать Соня. Она решила, что борщ и брат сделали столько добра Ивану, что ему пора решиться на ответные действия, например жениться на ней. Другие добрые дела в зачет не принимались. Если прежде Соня смотрела на него, подперев рукой щеку, то теперь она все чаще упирала руки в боки, изображая вопрос «Когда?». Разве что ногой не топала от нетерпения. Соня поставила вопрос ребром:

– Ваня, ты одной ногой в семье стоишь, а другой на моей жилплощади. Спросить хочу.

– Спрашивай, – обреченно выдал из себя Иван.

– И долго ты так враскорячку стоять будешь?

Иван подумал, что Соня права. Ему самому в последнее время было неудобно жить в этой позе. Одно дело интрижка офицера с поварихой – это все равно что барину с дворовой девкой согрешить – чисто для поднятия аппетита. И совсем другое – когда барин обанкротился.

Припертый к стенке, Иван недолго думал. Тут и думать, по правде говоря, было нечего. Он выбрал Веру с дочкой и убрал ногу с жилплощади Сони.

Неустойку он заплатил огромным фингалом от рук Сониного брата.

Но в остальном все складывалось хорошо.

Наденька пошла в выпускной класс, когда Вера решила выйти на работу. Страна со вздохом облегчения свернула с колдобистой дороги девяностых годов на столбовую дорогу стабильных двухтысячных. Экономика оживилась, появились рабочие места. Как будто экономика и политика были игрой с нулевой суммой: чем больше одного, тем меньше другого.

Вере повезло: какие-то старые приятели принесли весть, что знакомый их знакомого подыскивает надежного человека себе в офис. Вере исполнилось сорок лет, и она прекрасно понимала, что другой работы ей могут не предложить, поэтому согласилась. Правда, без особого энтузиазма. Что интересного в жизни офиса?

Оказалось, что она не права. В офисе может быть интересно все. Ей нравилось командовать принтером, резать бумагу в лапшу на шредере, покупать для шефа чай с бергамотом. Ее должность называлась «офис-менеджер». Пустячок, а приятно. Секретаршей она быть не хотела, а вот офис-менеджером вполне.

И еще ей нравился сам шеф, Сергей Дмитриевич. Всегда пунктуальный, корректный, подтянутый. Какой-то особенный, отличающийся от мужчин отечественного производства. Слово его сделали по лицензии. То есть сборка на-

ша, а дизайн и проект импортные.

Шеф был примерно ровесником Ивана, но казалось, что они выходцы из разных эпох. Сергей Дмитриевич знал английский язык, играл в гольф и теннис, носил запонки и яркие носки. Иван же не имел ни одного из этих достоинств. Он носил клетчатые рубахи и играл в гараже с мужиками в домино. Про носки лучше вообще не вспоминать.

А главное, что у Сергея Дмитриевича был долгий и внимательный взгляд. Вера просто физически чувствовала, как он оглаживает ее этим взглядом.

Сергей Дмитриевич много зарабатывал и сильно уставал – козырная комбинация, против которой не может устоять ни одна женщина. Вера чувствовала, как ее сердце сжималось от сострадания при виде темных кругов под глазами Сергея Дмитриевича. Богатого мужчину нельзя унижить жалостью. Хотелось принести ему домашних пирогов. Она бы так и сделала, но не умела печь пироги, так уж вышло. А приносить жареную картошку, по ее мнению, как-то нескромно.

Вера летела в офис, словно на крыльях. Она развела там цветы, чтобы Сергей Дмитриевич дышал воздухом, обогащенным кислородом. Украсила стены картинами, рекомендованными психологами. И даже лично участвовала в выборе штор, целясь в цветовую гамму галстуков шефа.

Сергей Дмитриевич благодарил одними глазами. Он смотрел так, что при желании в этом взгляде можно было прочесть что угодно. И Вера уносила этот взгляд домой, отчего

ночами не могла уснуть, долго ворочалась и мешала спать Ивану.

Она не знала, как намекнуть шефу о том, что... Ну, что она... Точнее, что они... Словом, что все возможно.

Ей казалось, что Сергей Дмитриевич скован джентльменскими предрассудками, ведь Вера замужем и он не может осквернить ее семейное ложе. Это не какой-то завклубом Федор, которому все по барабану. Это же целый Сергей Дмитриевич – идеал мужчины. Значит, надо ему помочь – самой расчистить завалы на пути к счастью.

Надвигалось 31 декабря. Вера решила, что это знак свыше. Что в новый год она должна войти в новом качестве, что их тайная страсть с Сергеем Дмитриевичем наконец-то должна материализоваться. Говоря проще, она мечтала ощутить поглаживание своего еще стройного тела не только взглядом, но и руками шефа.

– Вань, как думаешь, тетка в Саратове сильно скучает? – начала она готовить плацдарм новогоднего счастья.

– Тетка? В Саратове?

– Вань, не тупи. Кажется, ее Антониной зовут.

– Во-первых, не в Саратове, а в Самаре. А во-вторых, не Антониной, а Алевтиной.

– Не цепляйся к мелочам. Все равно же скучает.

– И? – Иван явно не понимал, к чему клонит Вера.

– Надо бы навестить.

– С чего это?

– Так сколько ей осталось-то? Не успеешь, будешь потом всю жизнь себя корить?

– Сомневаюсь, – чистосердечно признался Иван.

– Вань, ну трудно, что ли, съездить старого человека навестить?

Иван подумал, оценил душевный порыв жены и согласился:

– Думаешь? Ладно. Давай сразу после Нового года съездим.

– Нет, Ванечка, дорога ложка к обеду. Ты подумал, каково ей в одиночестве Новый год встречать?

– Так она вроде привыкшая...

– Это к хорошему быстро привыкают, а к одиночеству нельзя привыкнуть, можно только приноровиться.

Ивана охватило чувство гордости за жену, за ее большую душу, вмещающую даже тетку Антонину из Саратова. Тьфу ты, Алевтину из Самары. И Иван согласился. По правде говоря, дело было не только в большой душе Веры. Ивану захотелось хоть раз за последние много-много лет встретить Новый год как-то иначе. Без жирного гуся под шампанское, без новых носков и дезодоранта под елочкой. Чтобы ехать в поезде, ловить волну праздничной дурашливости, поздравлять незнакомых людей, а потом ловить такси, взбегать по лестнице, боясь, что не успеешь к курантам. И он, вздохнув для приличия, согласился.

А Вера начала готовить остальные фрагменты генераль-

ного сражения. На кону было ее женское счастье. Счастье быть любимой Сергеем Дмитриевичем, стирать его цветные носки и примерять вместо сережек его запонки.

И случай сам лег в ее подставленные ладошки. Шеф поручил Вере подумать над новогодним корпоративом. Говорить о том, что она все давно придумала, Вера, конечно, не стала. Она изобразила мыслительный процесс и вечером пришла в кабинет Сергея Дмитриевича с предложением провести корпоративный вечер у нее дома.

– Для фирмы это сплошная экономия, – скромно сказала Вера.

– Да, но... Насколько это удобно? Муж не будет против? «Вот! Главное, что его интересует, – это мой муж», – возликовала Вера.

– Не волнуйтесь, он к тетке уедет, в Саратов или в Самару. До 2 января, – многозначительно информировала Вера.

– Я даже не подозревал в вас такой корпоративной лояльности. Принести свой дом в жертву фирме – это выдающийся поступок, не каждая сотрудница на такое решится, – сказал шеф, оглаживая Веру своим волнующим взглядом.

«Оценил! Не каждая... не каждая...», – звенело в ушах. Звон спускался в грудь и даже ниже, отчего ноги стали ватными и потными.

– Но вам это удобно? – деликатно уточнил шеф.

– Я давно мечтала об этом, – на выдохе призналась Вера.

– Что ж, мечты должны сбываться, хотя бы на Новый год.

«Мечты должны сбываться... Господи, зачем же так откровенно? Мы же на работе!» – и Вера стремительно вышла из кабинета.

Офис у них небольшой. Конечно, при достоинствах Сергея Дмитриевича ему можно поручить проект планетарного масштаба, но жизнь распорядилась иначе. Под его началом работало восемь человек, преимущественно женского пола. И Вера этому искренне радовалась, потому что в ее квартиру больше не поместилось бы.

И вот настало 31 декабря. Накануне Вера проводила Ивана, вручив ему завернутую в фольгу курицу и пакет с подарком для тети. «Не перепутай!» – напутствовала Вера. «Обижаетесь», – весело ответил Иван. И было понятно, что обидеть его невозможно, он предвкушал радость, как солдат, получивший увольнительную.

Вера убрала квартиру, приготовила тазик оливье и несколько противней мяса по-французски, не считая десяти плашек селедки под шубой. Сделала торт «Наполеон», промазав коржи сгущенкой. Это неправильно, для «Наполеона» нужен заварной крем, но она выбилась из сил, поэтому позволила себе небольшое послабление. Алкоголь должны были принести коллеги.

Себя она тоже привела в порядок. Платье выгодно подчеркивало зрелость фигуры, делая явный акцент на зоне декольте. Из украшений Вера выбрала длинные сережки-висюльки в виде качающейся на цепочке крупной бусины. Сереж-

ки играли роль символа, скрытого послания Сергею Дмитриевичу. Длинная цепочка намекала на то, что она, конечно, не девочка и позади долгий путь, но впереди самый яркий и красивый, подобный бусине, период ее жизни.

Сотрудники должны были собраться в районе обеда. И разойтись часов в восемь-девять, чтобы успеть к праздничному столу в кругу семьи.

Вера была уверена, что один из гостей задержится. И что бой курантов перекроет стук их сердец. И что они напишут желания на бумажке, которую сожгут и бросят пепел в шампанское. А потом возьмут бокалы, не разбирая, где чей. Какая разница? Ведь в обоих бокалах будет плавать одно и то же желание. Это же ясно.

И вот гости стали подтягиваться. Женщины неприятно хорошо выглядели. Особенно молоденькая Леночка, заведующая рекламой. Она надела бескомпромиссное мини, чего в офисе себе не позволяла. Но хуже всего то, что под мини были стройные ноги. Веру это задело. Ей показалось, что это как-то бестактно. Надо выбирать – или мини, или стройные ноги, а вместе – какой-то перебор.

Мужчины оставались обычными, без особых перемен к лучшему. Лишь Сергей Дмитриевич сиял ярче прежнего. Казалось бы, куда уж ярче! Но у такого мужчины всегда есть резервы. Он сменил офисный костюм на джинсы и джемпер, и Вера физически ощутила, как шерсть будет щекотать ей нос. Буквально через несколько часов.

А пока все шло по обычному праздничному протоколу: «прекрасный тост!», «передайте мне салатик», «у меня теща оливье лучше делает» и прочая словесная шелуха. Сергей Дмитриевич был само очарование, остроумно шутил и обещал всем премии. Вера смотрела на часы и гнала стрелки вперед.

Наконец все наелись. И даже, похоже, напились. По крайней мере, смеяться стали чаще и громче, то есть дошли до кондиции, при которой сдвигают стол к стене и начинают танцевать. Быстрая и энергичная музыка расставила сотрудников в круг, в середину которого вышла Леночка в своем откровенном мини. Вера отметила, что она хорошо танцует, извиваясь на стройных ногах. Ну ничего, недолго ей осталось извиваться. Время шло вперед, приближая Верину мечту.

Чтобы не видеть Лену, Вера вышла на кухню. И тут же за ней следом поспешил Серей Дмитриевич. «Господи, ну потерпи, люди же кругом!» – подумала Вера.

– Верочка, вы хозяйка, музыка подчиняется только вам, – ласково сказал шеф. – Могу я попросить?

«Да! Повелевай мной», – подумала Вера и сама испугалась своей патетики.

– Кажется, мы выдохлись. Хотелось бы медленную музыку, что-то типа Шарля Азнавура. Или Джо Дассена. Простите, я старомоден.

«Я тоже», – хотела сказать Вера. Но зачем сейчас? Вот

начнут танцевать, она и скажет.

– Конечно. Разве вам можно отказать? – многозначительно согласилась Вера.

И поставила музыку.

Звуки плыли по комнате, делая мир еще прекраснее. Мелодия Шарля Азнавура исполнялась на струнах души, а музыкальные инструменты лишь изображали свое участие. Франция могла ограничиться одной этой мелодией, чтобы остаться в мировой истории.

Вера думала об этом, настраиваясь на главный танец уходящего года. Танец, который перекинет мостик в следующий год, где будет новое счастье и новое чувство... Она даже отвернулась лицом к стене, чтобы лучше сконцентрироваться на этом моменте, запомнить его во всех деталях.

– Можно вас пригласить? – услышала она мягкий голос Сергея Дмитриевича.

Сколько же в нем было интимности, бархатности и сладких авансов! Отвечать было глупо. Все ясно без слов. Неизбежное становилось явью. Вера с тихой улыбкой плавно повернулась, чтобы одарить Сергея – долой отчество! – благоклонным согласием. И замерла. Шеф танцевал с Леной.

И как-то незаметно было, чтобы он сильно этому огорчился. Он шептал на ушко партнерши что-то такое, отчего Леночка улыбалась и пожимала плечиками. Рука шефа лежала на ее талии как-то по-хозяйски. И Вере показалось, что спускается все ниже и ниже, по направлению к стройным ногам.

Вера выбежала на кухню, широко хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Мир треснул пополам. На одном берегу были все сотрудники их фирмы, на другом – танцующий с Леной шеф. А Вера свалилась в образовавшийся проем.

Ей было так горько, что она схватила открытую банку со сгущенкой, оставшейся от приготовления «Наполеона», и начала есть эту приторную массу большой ложкой. Горечь не проходила, она засела где-то внутри. Вера проталкивала в себя сгущенку, роняя в банку нескупые слезы. Где-то на окорлице сознания подняла голову тревога: «Сладкое портит фигуру». И Вера с мстительным удовольствием надавала этой мысли по щекам: «Фигура? Кому нужна моя фигура? Пусть я стану толстой! Безобразной! Безразмерной! И пусть!»

Плакать было стыдно, в любой момент кто-нибудь мог зайти на кухню и неправильно все понять. Или правильно, что еще хуже. Вера тихо сняла с вешалки цигейковую шубейку и выскользнула в дверь. В спину ей неслись звуки волшебной музыки, что было почти издевательством.

Когда 2 января Иван вернулся от тетки, он застал Веру похудевшей и какой-то притихшей. И то и другое ей шло. Он соскучился и, сам не ожидая от себя такого порыва, с чувством сказал:

– Верочка, как хорошо дома!

Вера благодарно посмотрела на него. Потом вдруг всплакнула и спросила:

– Ваня, ты меня любишь?

Иван засмутился, словно его вынуждали сказать что-то неприличное.

– А то... – ответил он и притянул Веру к себе.

В ее глазах стояли слезы, но на губах начала распускаться улыбка. Похоже на грибной летний дождь, когда сквозь капельки влаги проглядывает солнце. Вера была такой красивой, что Ивану захотелось сказать ей что-то очень-очень хорошее, признаться в любви.

– Вот настанет лето, за грибами пойдем, – нежно сказал муж.

И Вера счастливо прижалась к Ивану, потому что впереди и правда лето, потом осень, зима... Карусель жизни не остановить. И Вера едет на этой карусели, поддерживаемая надежным Иваном. Она последний раз всхлипнула и послала к черту запонки и цветные носки.

* * *

– Просто мы разводимся, – резко сказала дочь.

Повисла пауза.

Старики молчали со скорбными лицами.

– Господи, как мне это надоело! – Надя зло посмотрела на родителей. – Ну что? Мне еще вас утешать? Вы всю жизнь вместе, вы даже представить себе не можете, как в жизни все не просто... как сложно... вы... вы будто всю жизнь в

пионерском лагере прожили...

Старики устыженно молчали.

Надя ушла в комнату, а они продолжали нерешительно топтаться на пороге.

Первой не выдержала Вера Семеновна:

– Вань, как же это? Сделай хоть что-нибудь. Как же она одна-то? А детки? Как деток жалко... Господи, ну что же это? – И она тихо заплакала, стараясь, чтобы дочь не услышала.

– А что тут скажешь? – насупился Иван Петрович. – Чужой головы не приставишь, раз своей нет.

Но дочь то ли прислушивалась, то ли просто сообразила, что неспроста родители остались за порогом, сама вышла им навстречу.

– Чего стоим?

Она с раздражением осмотрела сморщенное в плаче лицо матери и протянула:

– А-а, понятно. Траур начинается? Как же вы меня бесите! Привыкли за ручку всю жизнь ходить! Вы можете понять своими старорежимными мозгами, что в жизни разное случается? Что на свете есть соблазны, страсти? Что люди иногда разводятся? Да что с вами говорить! У вас просто идеальный брак, один на тысячу, так практически не бывает.

– Случилось-то что?

– Муж мне изменил! Довольны? Прояснили ситуацию? – И Надя сорвалась с крика в плач.

Родители переглянулись. Вера Семеновна вытерла слезы, как будто беда уменьшилась в размере. Иван Петрович неопределенно крякнул.

– Что замолчали? Слов таких не знаете? Да! Изменил! Нужны подробности?

– Подробности не нужны, – жестко отбрил Иван Петрович.

Он обнял жену, поцеловал ее в мокрые глаза и по-хозяйски распорядился:

– Пойдем, мать, чай заваривать. Обмоем наш идеальный брак. Варенье-то еще осталось?

– Прошлогоднее только. В этом году совсем ягоды нет, долгоносик завязи побил, – засуегилась Вера Семеновна.

И родители ушли в дом.

Дочь присела на крыльцо. Она умирала от жалости к себе и завидовала родителям, которым досталась другая жизнь, в которой все было просто, как в букваре. Без соблазнов и страстей. Как в пионерском лагере.

Изнанка

По улице брели две подруги. Хотя «брели» – это усредненные картинки. Их походки были не просто разными, но контрастными. Одна мерила путь волевым шагом, каким в советском кино ходили чекисты, а в постсоветском – бандиты. Другая попевала, чуть прихрамывая, отставая на полкорпуса. И, пользуясь дистанцией, распределяла внимание между подругой и картинкой вокруг. Подруге, кажется, доставалось меньше.

– Нет хуже несчастья, чем родиться с золотой ложкой во рту, – чеканила шаг и фразу Алла, наступая волевой пяткой на ватные уши собеседницы. Она говорила, как и ходила, будто забивала гвозди. – Вот нас взять, хоть жопой деньги ешь, а дочери мы строго сказали: вот тебе квартира в Милане, вот тебе машина, а остальное давай сама. А что? Пусть теперь сама карьеру делает. Мы с ее отцом сами всего в жизни добились.

Упоминание Милана было неслучайным. Алла только что отвезла в столицу моды свою единственную дочь Яну. Пожила там с недельку, помогла обжиться и вернулась загорелая и переполненная впечатлениями. Еще бы, не каждый день дочку в Милан отселяешь. Ей требовался слушатель, свидетель радости. В этом качестве традиционно использовалась Женя – подруга со студенческих лет. Она-то и плелась сза-

ди, проклиная новые туфли и оплакивая натертыe ноги. Алла таких деталей не замечала.

– Мы свои миллионы заработали и успокоились. Муж правильно говорит: прогресс делают только бедные люди. Я как слышала, меня прямо торкнуло от этой мысли.

Алла любила жесткие и доходчивые слова: не просто потрясло, а торкнуло. Вообще ее речь была смачной, громкой и бесконечной. Особенно в присутствии Жени, которая молчала как-то правильно, вдохновляюще, как зритель, который своим безмолвным присутствием придает актеру силы на сцене. На этот раз Женя хранила тишину еще более старательно – все ее мысли ушли в ноги, страдающие от новых туфель. Ей даже лень было возразить Алле, что та работала так давно и так недолго, что можно про это и не вспоминать.

«Как она не устает все время говорить, да еще с таким напором?» – в очередной раз подумала Женя. Энергия, исходящая от Аллы, опровергала законы физики. С точки зрения науки расход энергии должен чем-то компенсироваться, восполняться откуда-то. А тут энергия изрыгалась бесконечно, настойчиво и непрерывно. Лет тридцать уже. Женя привыкла. Так уж вышло, что вся их жизнь проходила на глазах друг у друга. Стаж отношений постепенно перерос в дружбу.

Знакомство пришлось на студенческие годы. За бесперебойное вещание местные остряки прозвали Аллу «московским радио». Потом в их компании появился тощий студент Гера, которому звук московского радио понравился. Вскоре

сыграли свадьбу. Шаг за шагом Гера шел вперед, пока не вышел в дамки. Из студента средних котировок он превратился в успешного бизнесмена. Стал миллионером. А Алла, соответственно, миллионершей. Такая карта выпала. Алла быстро вышла из игры победителем. Переквалифицировалась в арбитра. Судила, выставляла оценки.

Жене выпала другая карта. Тоже ничего. Не шваль, но и не козырный туз. Условный валет. Карта с лицом, а не порядковым номером, хоть и невысокого веса. Вся ее жизнь оказалась пригвожденной к работе. Ее знали и ценили как крепкую журналистку, которую, как известно, ноги кормят. Она устала, но колода все не кончалась. Игра продолжалась, покой ей только снился. Работа заполняла ее до краев, не оставляя свободного пространства. Детей у Жени не было, Бог не дал. Так что лучше уж работа, чем пустота.

Женя любила Аллу, как любят поток света, упругость ветра, давление водяной струи из-под крана. Но советоваться с ветром или водой не будешь, исповедоваться им нелепо. И Женя давно, еще в молодости, научилась дружить с Аллой «в одну сторону». Оставаться немым собеседником. Слушать, молчать и думать о своем.

Например, сейчас она активно обдумывала, как улизнуть от надвигающейся опасности в виде кофейни. Прямо по курсу сияла вывеска: одна буква была с дефектом, она мигала, как будто у нее нервный тик. Кофейный запах подманивал даже слепых. Шансов, что Алла пройдет мимо, почти не

оставалось. Кофейня появилась совсем некстати. У Жени в кошельке лежали последние бумажки, именуемые дензнаками. И предназначены они не для кофе. Да еще в таком пафосном месте – прямо в центре города. Кофейня представлялась Жене воронкой, которая засасывает в свой водоворот бумажные кораблики, сложенные из денежных купюр.

Алла нежадная. Она вполне могла бы угостить Женю, купить ей кофе вместе с жирным эклером, даже с двумя. Но ей и в голову не приходил такой расклад. В их отношениях Женя играла роль умницы, успешной журналистки, энергичной деловой женщины, чьи мысли питали умеренно прогрессивные издания. Нет, Женя не была скрытной. Рассказами о своих проблемах она порой перегружала телефонные линии, раскаляла кабели и собственные нервы. Но звонила она другим людям. Плакалась в жилетки так, что их можно было выжимать от слез. Но в жилетки других людей. С Аллой она свои проблемы не обсуждала. Держала марку. Сохраняла лицо. Слишком удачливой и беспроблемной казалась ей жизнь Аллы. А для откровенности нужна надежда на понимание. Понимание рождается из подобия. А какое подобие в жизни бездетной работающей журналистки и неработающей жены миллионера, обремененной счастьем иметь дочь?

Тут в сумочке Жени очень кстати пискнул телефон. Пришла эсэмэска. Сообщение было ожидаемо: «Оплата не произведена, на карте недостаточно средств». Эта милая услуга называлась «автоплатеж». Стоит появиться деньгам на

карте, как заботливые руки электронной системы уносят их в сторону теплосетей, энергетических компаний, городской телефонной сети и других вампиров, патронируемых родным государством. Выходит, сегодня вампиры не смогут пососать ее кровь – кончились денежки. Наступило денежное малокровие. Озабоченность на лице оказалась весьма кстати, и Женя обыграла ее в свою пользу:

– Ты пока попей кофе, а я должна пару-тройку звонков сделать. Достали уже своими эсэмэсками.

Подразумевалось, что «достали» ее коллеги, рвущие на части деловую Женю, которой даже кофе попить некогда. Дескать, она бы сейчас с радостью взяла капучино с корицей, но на ее таланты началась активная охота коллег. Надо сделать серию деловых звонков, иначе где-то что-то лопнет. Алла отнеслась к одиночному кофе с пониманием. Ну раз надо. С ее многолетним стажем домохозяйки отношение к Жениной работе было почти благоговейное. Деловой звонок казался экзотичнее, вкуснее, чем кофе со сливками.

В их дружбе, надежной, долгой и плоской, каждая из подруг играла определенную роль, на которую наматывалась паутина их отношений. Алла изображала неработающую даму, купающуюся в радостях, оплаченных щедрым и богатым мужем. Разговоры имели ограниченный, но стабильный репертуар: путешествия, хобби, прирост семейных активов. Все сводилось к радости обладания деньгами, раскрашивающими жизнь в разнообразные и волнующие краски. Ника-

ких бед и забот сквозь эти краски не проступало.

У Жени другая роль: она старательно соответствовала образу деловой, успешной журналистки. Для встречи с Аллой «искала окно» в своем графике. Давала почитать материалы. Жаловалась на сумасшедшую жизнь. Намекала на командировочные приключения. Как бы между прочим вспоминала известных людей, с которыми ее сводила журналистская судьба. И даже бездетность обращалась в относительное преимущество. Дескать, у кого-то задача воспитать ребенка, а у нее – воспитать страну. Короче, придавала своей жизни максимально эффектную позу.

Каждая из подруг виртуозно разыгрывала свою историю, отнюдь не придуманную, но словно отретушированную. Все, что затуманивало и усложняло эти образы, не впускалось в круг их отношений. Нюансы тут лишние. Таковы были правила игры. У дружбы тоже есть правила. За их нарушение можно пожизненную дисквалификацию схлопотать. Подруги понимали, что у образов есть изнанка. Потертая, полинявшая, с прорехами, откуда иногда капают слезы. Но они не показывали своих изнанок, довольствуясь витриной друг друга. И такая плоская, одномерная дружба оказалась крайне устойчивой. Она как будто распласталась, растеклась блином по поверхности их жизни. Ее не комкали ветры перемен, не коржили жизненные подробности. Все проходило, а дружба, приплюснутая к земле, оставалась.

Женя не то чтобы не умела завидовать. Еще как умела! Со слезами и бессонными ночами. Но материальное благополучие Аллы ее не волновало, не задевало. Иногда Женя сама удивлялась тому олимпийскому спокойствию, с которым она принимала хронику материальных побед подружки. Ну еще один коттедж, ну кругосветный вояж, ну новая машина. Делов-то!

Конечно, Женя любила Аллу. Но для зависти это не по-меха. Зависть способна перемолоть женскую дружбу в труху, в щепки разгрызть, проглотить и не поморщиться. Тут другое. Богатство приходило к Алле постепенно, давая время на каждом витке свыкнуться с новым раскладом. Если бы они расстались в юности, а сейчас встретились, Женя наверняка прорыдала бы всю ночь в подушку, потому что неожиданное богатство подобно чуду, подарку судьбы. И страшно жалко, что одарили не тебя. Несправедливо и обидно. Но Алла всегда была рядом, ее восхождение по лесенке материального успеха в деталях известно и понятно Жене. На чудо, на подарок судьбы это не походило. Каждый раз спину подставляли конкретные обстоятельства, понятная логика, по которой что-то доставалось Алле и пролетало мимо Жени. И каждый раз Женя убеждалась, что это если и несправедливо, то закономерно. Понять для нее означало принять.

Но главным намордником на зависть являлось чувство легкого превосходства, которое испытывала Женя по отношению к подруге. Для нее общение с Аллой – игра на понижение. Бытовые советы Аллы были востребованы, с благодарностью приняты, с воодушевлением исполнены. Но вот обсудить страну, или кино, или книгу с ней не хотелось. Точнее, забавно иногда услышать ее мнение как представителя простейших суждений – чисто журналистское любопытство. А ведь когда-то Алла была умницей, одной из лучших студенток их курса. Но, как говорила их общая знакомая, тщательно подбирая слова, чтобы не обидеть: «Аллочка долго не работала. И это начало сказываться». Вот это «сказываться» и было главной платой за материальный успех. Женя платить такую цену совершенно не готова, поэтому и завидовать не могла.

С Аллой хорошо общаться наедине, а при людях как-то неудобно, даже конфузливо. Однажды пошли в магазин. В дешевый, разумеется, потому что Алла частенько скатывалась в скупость, объясняя это разумностью и экономностью.

– Мы же в районе для богатых живем. Сама понимаешь, там цены в магазинах ломовые. Гера правильно говорит, что греча – она и есть греча. Так зачем за нее переплачивать?

Магазин был похож на склад. Коробки громоздились прямо в проходах. Одна тетка примерилась к щели, поняла, что застрянет, и пошла в обход. А Алла протиснулась. Женя пожалела белый плащ, осталась у прохода. Как назло, в это вре-

мя они обсуждали последнее турне Аллы. И из щели между коробками, как из громкоговорителя, полетели в магазинный эфир рассказы, как они с мужем в Париже устриц «обожрались». Нелепость и комичность ситуации Аллой не улавливались. И это тоже ответ на вопрос, почему Женя ей не завидовала.

* * *

Алла завела хромающую подругу домой. Ей хотелось показать шмотки из Милана. Женя пошла охотно. Она надеялась на лейкопластырь и кофе. Отвергнутый капучино с корицей так и стоял перед глазами. В качестве платы она готова была выслушать рассказ о миланском счастье еще раз.

Яна, отправленная в Милан, – единственная дочь от единственного мужа. Такое тоже бывает. Алла с мужем обошлись без трюков с разводами. Прошли жизненную трассу ровно, без визга тормозов, без клаксонов. Монотонно шли на средней скорости, а в итоге обогнали всех лихачей. Включая Женю, с ее разводами, любовями, сюжетами для романов.

Идея отправить Яну в Милан родилась не на пустом месте. Девушка постоянно пребывала в каких-то квелих страданиях. Поводом являлось все, что ее окружало: погода, молодые люди, работа, страна. На душевные муки накладывался нескончаемый насморк, регулярная простуда как фоновое состояние. Носовой платок спасал то от слез, то от соп-

лей. Трудилась Яна как-то пунктирно: работа и увольнение чередовались с затейливостью азбуки Морзе. Иногда Женя думала, что Алла высосала из жизни столько витальности, вобрала в себя столько энергии, что Яне ничего не осталось. Вот он – закон сохранения энергии. Яна умела страдать так же активно, как Алла действовать.

Но девушка умела рисовать, любила обматывать себя тканями и, привстав на носочки, кружиться по комнате. Родители сочли это за выброс творческой энергии, вполне достаточной для покорения Европы. Милан, столица моды, казался городом, где потенциал раскрывается с той же неизбежностью, как распускается бутон розы под жарким итальянским солнцем. Так родилась идея отправить дочь в Милан. Найти свой город не менее важно, чем встретить своего человека. Солнечный Милан, казалось, обрекал на счастье. А между словом и делом в этой семье зазор был небольшой.

Женя имела другое мнение на этот счет. Бывшие соотечественники, которых она повидала в своих поездках, напоминали подранков. Возвращаться гордость не велит, а там они никому не нужны. Но у Яны хороший старт. Папа купил ей квартиру в центре Милана, оплатил учебу. Может, и правда все сложится. Бывают же счастливые исключения.

– Ты себе не представляешь! Это просто шикардос, а не квартира. Этаж четвертый, голуби его не любят, гадить не станут. А главное, стиралка, плита, утюг – все есть, от прежних хозяев осталось. А что? Денег лишних не бывает, – Алла

светилась оптимизмом и довольством.

Женя хотела спросить про голубей, но поняла, что не стоит. Научной подоплеки тут явно нет. Просто оптимизм у Аллы такой силы, что сшибает воображаемых голубей именно с того этажа, где они покупают недвижимость. Это мелочи, можно промолчать. Для возражений нет ни желания, ни технических возможностей. Алла не оставляла зазора в словах, клала их, как кирпичи, – плотно и веско.

– Янчик хозяйкой себя почувствовала, стала уже что-то прикупать. Ну тоже, дурында, за дуршлаг 500 рублей отдала. Это если в наши рубли пересчитать. Я ей говорю, ты чего, не могла потерпеть? Я тебе в следующий раз хоть десять этих дуршлагов привезла бы. У нас же еще советские остались. А что? Завернула бы в трусы и привезла.

«Почему в трусы?» – хотела спросить Женя, но передумала. «А какая разница? В трусы или в полотенце? Может, у Аллы трусы лишние».

– А главное, мы с мужем говорим ей: питайся нормально. Денег не жалея. Сама знаешь, их у нас как у дурака махорки. Я ей фирму нашла, которая наборы привозит для готовки. Вообще! Прямо уже отмеренные привозят. Поняла? Прямо рецепт с натуральной картинкой и к нему все-все. Ну ты поняла? Сырые продукты, но помытые и порезанные. Готовые для готовки! Об-со-лют-но!

Женя давно смирилась, что «абсолютно» в Аллином исполнении начинается с буквы «о». Глупо поправлять. Пусть

говорит, как ей удобно.

– Но я с той фирмой немного страшно поругалась. Написала им на сайт. Прикинь? Соль не положили. И подсолнечного масла в набор не положили. Все-таки, раз говорят, что, кроме плиты, ничего больше не нужно, так надо всем обеспечивать. Дело же не в деньгах, а в принципе. Мне соли не жалко, но так неприятно, как будто тебя на деньги разводят.

Женя кивала. Да, неприятно, когда разводят. Она недавно одну работу сделала, а заказчик исчез. Вместе с ее деньгами. Пьет сейчас, зараза, капучино с корицей. А она экономит. Вообще-то Женя хорошо зарабатывала. Но в этом месяце случились незапланированные траты, пара-тройка финансовых атак на ее бюджет. Он и лопнул. Это поправимо, в следующем месяце брешь залатается. Может, муж работу найдет. Период его безработицы затянулся, угрожая превратиться в хроническое состояние. Со всеми вытекающими последствиями для их отношений. Но эту тему лучше вынести за скобки, на самую окраину сознания. И подумать о том, как успеть выправить ситуацию до летнего отпуска, чтобы уехать без долгов. Если вообще получится уехать. Женина жизнь висела на гвоздике в кабинете главного редактора, как Буратино у Карабаса.

За этими мыслями, кажется, упустила нить разговора.

– Ну ты согласна со мной?

– Наверное.

Как можно не согласиться с Аллой, у которой куда ни кинь

– всюду шикардос. И как хорошо, что у нее есть Алла, которая не дает думать о неприятностях в полную силу, разбавляет своими горестями – то ей пакетик с солью не положили, то подсолнечное масло в мензурку не налили.

Между тем на столе, как грибы, густо выросли какие-то плоски с едой. Поскольку Алла была плотно занята разговором, создавался эффект скатерти-самобранки. Но Женя-то знала: это еще одна удивительная способность Аллы – говорить и делать одновременно. Как всегда, застолье получилось познавательным. Каждый листок салата сопровождался комментариями, откуда он родом. Если из магазина, то из какого и почему. Если из собственного огорода, то у какого забора лучше растет. Жареная курочка спровоцировала обсуждение собственного курятника, который запланирован на задворках их земельных владений. Алла была вулканически деятельной домохозяйкой. Хорошо, что Гера догадался купить коттедж с необъятным земельным наделом. Риелтор думал, что земля покупается под теннис или гольф. Наивный! Намечались курятник, пруд с карпами, теплица. Алла и пасеку потянула бы, но медоносов вокруг нет. Она уже узнавала.

* * *

Прошло два года. У Жени все текло по прежнему руслу. Безумный шеф, кошмарный график, скромные доходы. Муж

из безработного превратился в полурботающего. Это когда на работу ходит, а денег ему не платят. И взгляд как у побитой собаки.

А вот у Аллы «шикардос» только окреп. Гера отстроил линию делового фронта настолько, что его присутствие на работе стало необязательным. На радостях они купили дом на Кубе и стали жить там вахтенным способом – то Гера, то Алла. Вместе получалось редко, поскольку коттедж на родине требовал внимания. К тому же Алла обзавелась курятником, который стал объектом неустанной заботы и предметом непрекращающихся обсуждений, а нанимать прислугу не хотелось.

– Гера правильно говорит, что чем больше у меня рабочих, тем я богаче, а чем больше слуг, тем беднее, – цитировала Алла мужа.

Женя хотела поправить, что это говорил не Гера, а Давид Рикардо. И было это еще в начале XIX века. Но какая разница? Зачем расстраивать подругу? Да еще накануне ее дня рождения. Не рядового, а юбилейного. 50 лет – настоящий юбилей, а остальное – просто круглые даты.

В качестве подарка Женя придумала снять памятный фильм. Врезать туда поздравления общих знакомых под красивую музыку, втиснуть кадры семейной хроники, детские фотографии Аллы. Как журналист она могла сделать не лубочное видео, а настоящий шедевр. К тому же сэкономила бы на подарке, что немаловажно. Словом, Женя окунулась

в творческий процесс под кодовым названием «Вам – шедевр, мне – экономия». Главные роли в фильме, разумеется, должны сыграть Гера и Яна. Наверняка они приедут на день рождения. Но фильм к этому дню должен быть уже готов. То есть весь материал с мужем и дочкой нужно отснять заранее. Проблемка, однако. Один на Кубе, другая в Италии.

Но Женя была журналистом высшего класса. А это значило умение не просто ставить слова друг за другом, а искать нужных людей и договариваться с ними. Так она нашла выход на показ мод в Милане и добилась, чтобы освещать это судьбоносное для России событие отправили именно ее.

С Кубой вышло еще проще. На Острове свободы сидел ее знакомый репортер и ждал, когда умрет Фидель Кастро, чтобы оперативно рапортовать об этом миру. Но Кастро тянул, репортер изнывал от безделья. Женя была с ним в хороших отношениях, объяснила замысел фильма, накидала примерные вопросы. Дала адрес особняка (коттеджа? виллы?), где томился от одиночества Гера.

Через день в скайпе Женя увидела обгоревшую и потолстевшую морду коллеги. На Кубе только местным голодно, а командированным – полный рай.

– Ну как? Сделал? Я – твоя должница. Хочешь снежок для тебя в морозилке сохраню?

– Эй, подруга, тут такое дело... А кем тебе этот мужик приходится?

– Никем. Мужем подруги.

– Так никем или мужем подружки?

– Тебе поболтать захотелось? Ты ходил к нему? Беседовал? Запись на сколько минут?

– Ходил. И беседовал. Но не с ним. Его дома не было. Понимаешь, ты подружке, наверное, не говори... тут такое дело... не один он.

– Двое? – Женя сразу поняла, что стоит за этой цифрой.

– Трое, если быть точным. Вот-вот родит. Шоколадная такая, из местных. Красивая, если честно. Лопочет «Husband», муж то есть.

Женя быстро закруглила разговор. Налила себе коньяку и запила эту новость. Утопила в себе. Никто ничего не узнает. А для фильма она сделает кадры с Герой по скайпу. Качество, конечно, посредственное, но зато прозвучат положенные по сценарию слова: как Гера любит Аллу, как благодарен ей, как скучает в разлуке. Получится слащаво, но вполне традиционно. И все пойдет как прежде. Гера ведь не повезет свою «шоколадку» в Россию. Шоколад вообще в холодильнике хранить неправильно. А Россия – это страна-холодильник с небольшими перерывами на разморозку. Значит, Алла и дальше останется счастлива в своем замужестве. Тем более что у нее больше ничего нет.

Гера вышел на связь точно в назначенное время. Говорить с ним было трудно, и не только по причине открывшихся обстоятельств. Гера обладал на удивление нечеткой дикцией, вызывающей ассоциацию с посиневшими от холода губами.

Ситуация становилась совсем критической, когда Гера говорил и улыбался одновременно. А с Женей он всегда общался только так. Она ему нравилась. Вот когда он орал на подчиненных, четкость звуков была как у диктора Центрального телевидения.

Жене в первые годы их знакомства приходилось прислушиваться, напрягаться. А потом плюнула. Смирилась, что понимает меньше половины. Нашла свою игру. Пока интонация утвердительная, можно просто кивать или мычать что-то одобрительное. Если интонация поползла вверх, значит, назревает вопрос. И тут важно сказать нечто предельно обтекаемое, эластичное по смыслу. Еще лучше погрузить ответ в неожиданное чихание или подавиться косточкой. Женя всегда трусливо тянулась к съестному, когда к ней подходил Гера.

– Привет, Герыч! Выглядишь потрясно! При таком климате и социализм не помеха? – начала Женя, предусмотрительно обложившись яблоками.

– Машина времени отдыхает, – отбил подачу Гера. – Хотя с деньгами везде терпимо... – дальше шло неразборчиво.

Гера любил поговорить с Женей на общественно-политические темы, давая понять, что признает в ней интеллектуальную ровню. Любил настолько, что лучился улыбкой, сминаящей слова в кашу звуков.

Женя быстро свернула дискуссию, обозначив рамки:

– Герочка, мне бежать скоро. Давай по пунктам. Ну я пи-

сала тебе. Обычные для юбилейного фильма истории – как познакомились, смешные случаи, разные милые подробности... Ну что мне тебя учить? Говори сколько хочешь, я потом все красиво порежу, смонтирую. Ты же меня знаешь.

Гера набрал побольше воздуха и уже открыл рот, но тут произошло нечто непредвиденное. И ненужное ни Жене, ни Гере. Совсем ненужное. С громким воем, держа наперевес окровавленный палец, в кадр въехала «шоколадка». Въехала как-то очень грамотно – вместе с длинными ногами и круглым животом. Она играла в ребенка, потерявшего голову и остатки самообладания при виде крови. Морщилась от боли и тыкала окровавленный палец Гере в рот. Что он должен быть сделать? Подуть? Пососать кровь? Зализать рану? Залепить жвачкой?

Жене стало смешно. Она прекрасно поняла ситуацию. Скорее всего, русский Ромео попросил «шоколадку» испариться на время сеанса связи. Та смекнула, что разговор состоится с домом, и раскромсала себе палец. Нет такой любовницы, которая не хотела бы оказаться разоблаченной перед женой. Кстати, Женя недавно чистила рыбу, так кровинки поболее было. Красотка явно себя пожалела. Так себе порез, смотреть не на что. Господи, ну почему мужики такие тупые? И ведь лижет палец! Как собака лижет. В Жене все закипело – такая гремучая смесь женского протеста с национальной гордостью: «Только русский лох-миллионер может лизать рану кубинской шалаве, оставив дома крепкую жену

с курятником в придачу». Хотелось уйти, громко хлопнув дверью. За неимением двери хлопнула крышкой ноутбука.

Снова налила себе коньяку. «С этой семейкой и спиться недолго», – начала она разворот в сторону шутки. А вечером, снова выйдя на связь, дала Гере честное пионерское слово молчать.

– Не бойся, я тебя не выдам. Алла не узнает.

– Она знает.

Женя молчала, раздавленная удивлением.

– Ты только не говори с ней об этом. Ей неприятно будет. Она перед тобой фасон держит, – сказал Гера на удивление разборчиво. Не улыбаясь.

* * *

В Милан Женя прилетела, вымотанная стыковочными рейсами. Родная редакция, как обычно, сэкономила, отправив ее на перекладных. Но хоть такси оплачивают. Это большое послабление. Причем только за границей. Считалось, что на родных просторах журналист должен пользоваться общественным транспортом или собственным кошельком. А за рубежом можно хоть в булочную на такси ездить. За этой щедростью стояло опасение, что журналист заблудится в буржуазных джунглях, начнет обращаться за помощью и распугает окружающих своим английским. Честь страны требовала его изоляции в салоне такси. Конечно, выросло

поколение молодых журналистов, которые говорили на английском лучше, чем писали на русском. Но бухгалтерия не улавливала новых веяний, за что Женя была ей искренне благодарна.

Бросив сумку и собственное тело на заднее сиденье, Женя передала бумажку с адресом водителю и задремала. Как хорошо! Скоро ей предстоит созерцать Милан с высоты четвертого этажа, где нет срущих голубей.

Но водитель привез ее к дому, где четвертого этажа не было. Совсем, как ни считай. Перепутать адрес Женя не могла. Готовя сюрприз для Аллы, адрес она добывала иным путем. Списалась с Яной через Facebook, предупредив о тайной миссии своего визита. Не могла же Яна перепутать собственный адрес? Конечно, она с тараканами в голове, но не в такой же степени. Все понятно, водитель – дебил. Эта универсальная версия вообще многое объясняла, и Женя часто ею пользовалась. Наверняка еще вчера рекламировал кетчуп, красавец конченный. Города не знает. И что теперь делать?

Итальянец понял, что ему достался тяжелый случай: пассажир – дебил. Он тоже часто пользовался этим объяснением. Пришлось брать за руку, хотя хотелось взять за шкирку, и подвести к латунной табличке с фамилиями жильцов. На лице пассажирки проступила радость. Слава богу, хоть читать умеет. Нет, легче кетчуп рекламировать. Но там все места футболисты заняли. Реклама кетчупа – венец, высшая

точка футбольной карьеры.

– Чао, синьора!

– Чао и мерси, – продемонстрировала Женя высокий культурный уровень, прикинувшись полиглотом.

* * *

Яна открыла так быстро, как будто стояла под дверью и сторожила звуки шагов. Даже звонить не потребовалось. В долю секунды Женя поняла, что случилось что-то плохое, тяжелое. Яна сильно прибавила в весе. И это не вес утрамбованной радостной пиццы или разрывающих тело жизнерадостных спагетти. На Яне словно повисли килограммы рыхлой никчемности, тягучей бессонницы и желеобразной тоски. В глазах застыла воздушная тревога. Жизни в ней стало еще меньше. Было очевидно, что Милан не разбудил силы, а высосал остатки.

Яна повисла на шее у Жени, точнее, обвисла на ней. Она светилась радостью, как лампочка в сети с малым напряжением – тускло и на грани отключения. На бурную радость у нее не хватало энергии.

Янина квартира размещалась на первом этаже, но это был какой-то нестандартный вариант. Архитектор-затейник вдавил этот этаж в землю, утопил его. С улицы приходилось не подниматься, а спускаться на пару ступеней. Окошки тянулись к потолку, словно хотели вытянуть комнату наверх, ис-

править казус строителей. Комната при всем богатстве отделки и мебели оставляла впечатление подвального помещения.

Фантазия Булгакова когда-то поселила в цокольном этаже Мастера и Маргариту. Из окна они могли видеть только ноги прохожих. Но с ними жили целых два романа. Один они проживали вместе, другой роман писал Мастер. Эти романы раздвигали пространство, поднимали потолок, впускали свет и воздух в их комнату. А тут?

– Янчик, а мама мне про четвертый этаж говорила, – осторожно начала распутывать ситуацию Женя.

Все-таки откровенного вранья от Аллы она не ожидала. Ладно, можно не говорить всю правду, но говорить откровенную ложь – это уже перебор, это дисквалификация дружбы. Да и зачем?

– Вначале так и было, тетя Жень. Мне там очень нравилось..

– А потом?

– Потом мама меня сюда перевезла, – лениво пояснила Яна.

Каждое слово из нее приходилось тянуть клещами. Она не разговаривала, а лишь отвечала на вопросы, как будто экономила силы, хотя явно радовалась госте, держалась за руку, как маленькая.

– Зачем? Из-за голубей? – сделала Женя самое глупое предположение в своей жизни.

– Нет, из-за врачей, – продолжала идти на рекорд по лаконичности Яна.

– Каких врачей?

– Дебильных. Перестраховщики и придурки, как и везде, – неожиданно эмоционально пояснила Яна.

– Врачи у нас кто будут? Ухо-горло-носы?

– Нет, психи.

– Станешь психом, если всю жизнь в уши и носы смотреть.

Но можно и нормальных врачей найти, не психованных, не паникеров. Янчик, ну хочешь, вместе поищем?

– Нет, психи – это психиатры.

– А чего боялись психи? – напряглась Женя.

– Что через окно выйду. С четвертого этажа.

У Жени застучало в висках. Нет, трагедии случаются с кем-то другим, далеким и незнакомым. Об этом пишут репортажи. Она сама и пишет. Но чтобы рядом, в семье подружки, так буднично гнездилась беда? Может, она чего-то не поняла? Может, у Яны такой своеобразный юмор?

Обманывая себя, попыталась пошутить в ответ:

– А на улице? Мама для тебя персональные заграждения не протянула? Чтобы ты под машину не бросилась?

– Нет, у меня только ночью приступы бывают, – серьезно, не уловив шутки, ответила Яна.

Все три дня, что Женя провела в Милане, они не расстались. Только когда Женя убегала на показ мод. Яна этим не интересовалась. Она тянула лямку винтика модной ин-

дустрии, заполняя своим погрузневшим телом место в соответствующем колледже. Колледж ковал кадры для итальянской легкой промышленности. Легкая промышленность ковала доходы в бюджет. Бюджет ковал пенсии и футбольные стадионы для претендентов на рекламу кетчупа. Всем хорошо. А ковать свое счастье человек должен сам, отдельно, на личной крохотной наковальне. Но отдельно еще ни у кого не получалось. Тем более у Яны. Ей нужны корни.

Женя подумала, что Россия имеет пагубную привычку рожать в муках «человека будущего». Семьдесят лет бросали людей в переплавку, а то и в мясорубку, надеясь получить «строителя коммунизма». Теперь та модель объявлена морально устаревшей, ее сдали в архив. В моду вошла новая версия человека будущего под названием «гражданин мира». Жесткий, волевой, активный и умный. Неутомимый тип, живущий в самолетах, потому что его дом разорван между городами, странами, континентами. Пересекающий океан с той же легкостью, с которой дети перепрыгивают через лужу. Новый человек, неведомый прежде. Конечно, в истории были кочевые народы. Но даже неутомимые кочевники-монголы знали, что у них есть Великая степь, куда они могут вернуться и ради которой они топят в крови остальное пространство. А тут даже Великой степи нет. Все едино.

Лес рубят – щепки летят. Металл куют – окалина сыпется. И вот сидит перед ней Яна как неудачная пробная партия новой модели жизни. Кусочек окалина с глазами подранка.

Жертва моды богатых семей рассеивать детей по миру. Бедная девочка, которую нужно было прижать к себе, обложить ватой семейного уклада, повязать любовью. Гражданин мира из нее, как из голубинового помета пуля.

– Янчик, дальше-то что?

– Не знаю, тетя Жень.

– Может, вернешься?

– Может, и вернусь.

– Или здесь останешься?

– Или останусь.

– А ты-то сама чего хочешь, Яночка? Тебе где лучше?

– Мне, тетя Жень, только в постели лучше. От таблеток спать хочется.

– Может, ну их, эти таблетки? Янчик, может, выкинуть?

– Без таблеток мне плакать хочется. Лучше спать, – обреченно сказала Яна.

И добавила:

– Тетя Жень, вы только маме не говорите, что все обо мне знаете. Ей неприятно будет. Я всех подвела...

– Яночка, мама не узнает, что я тебя видела. Ты слышишь меня, девочка? И возвращайся. Поверь, так будет лучше.

На следующий день они сделали задуманное – отсняли радостные поздравления на фоне миланских урбанистических пейзажей. Получилось эффектно и стильно. Женя выложилась по полной. Она знала, что Алла будет демонстрировать этот фильм всему, что движется. Предъявлять в качестве ве-

щественного доказательства счастливой жизни. Комментировать в свойственной ей нагловатой и бравурной манере. Хвастаться дочерью, ожидая стандартных комплиментов в ее адрес. Это ее право. Право юбилярши и право матери, которая не обязана делиться горем даже с близкой подругой.

– Янчик, только, чур, у нас с тобой уговор: тебя снимала подружка, а потом запись ты мне выслала. Просто выслала запись. Меня в Милане не было. Договорились?

– Ни разу не было, – подтвердила Яна.

Женя почувствовала себя шкафом, в котором отныне хранятся скелеты этой семьи.

* * *

Фильм произвел фурор. Сначала его посмотрела одна Алла. Убедившись, что мин нет, она принудила всех гостей посмотреть его от начала до конца. Потом еще раз для закрепления впечатления. Громче всех комментировал фильм Гера, и пару раз даже остроумно. Наконец гостей отпустили от экрана, и праздник продолжился в традиционной манере русских застолий – сытно, шумно, с постепенным повышением градуса и неуклонным отклонением от главной темы в пользу анекдотов и политических прогнозов.

Женя пила, танцевала, умничала и валяла дурочку. Ей было легко и радостно за Аллу. Кто сказал, что держать душу нараспашку есть высшая форма дружбы? И вообще, кто

возьмется судить, где высшая и низшая формы? Да, Алла не посвящала ее в свои проблемы. Обидно? Но ведь и она держала рот на замке. Они обе «держали фасон». Женя стояла в глазах Аллы на высоком постаменте, сооруженном профессией и верным мужем. В активе Аллы – курганы денег, успешный муж-бизнесмен и дочь. И у каждой свои страхи и боли. Женя боялась старости, оскорбленной безденежьем и одиночеством. У Аллы своя изнанка – измазанный в кубинском шоколаде муж и потерявшая опору дочь.

Откровенность всегда избирательна. Жалобы и слезы, как реки, растекаются по ровной поверхности или стекают вниз. Реки не текут вверх, так уж заведено природой. Жалуются тому, кто вровень или у кого еще хуже. Проблему с дочкой можно судить-рядить с теми, кто знает, как болит душа за неудачного ребенка. Что, кроме общих слов, может сказать Женя, которая «воспитывает страну»? Безденежье обсуждают с теми, кто знает, по каким дням получка. Зачем про это говорить с Аллой? Люди плачут, роняя слезы вниз. Глупо подкидывать слезинки вверх, они все равно наверху не задержатся, упадут на тебя же.

Гуляли в ресторане. Женя решила глотнуть свежего воздуха. От алкоголя ей всегда становилось душно, как будто винные пары сжигали кислород. Спустилась вниз, прошла мимо гардероба, мазнула взглядом ряды качественной одежды Аллиных гостей. Баррели роскошного меха говорили вместо хозяев, что жизнь удалась. Ее шубейка борозды не

портила, смотрелась в общем ряду вполне пристойно.

На улице шел мелкий снежок. Женя подставила лицо, прикрыла глаза, приоткрыла рот. Но снег в рот не залетал, стеснялся. Было тихо и свежо, мило и спокойно. И только одна мысль докучала, мешая насладиться этой благостной картиной. Что-то тревожило и не отпускало. Женя вернулась в ресторан, разбудила дремавшую гардеробщицу и попросила поправить ее шубу. Чтобы завернувшуюся изнанку не было видно.

Заспанная тетка выполнила просьбу, спрятала изнанку и ворчливо переспросила: «Все?» Женя удовлетворенно кивнула. Гардеробщица проводила странную женщину неодобрительным взглядом.

Дунькина радость

Дуньку звали не Дунькой, а совсем наоборот – Элеонорой. Точнее, у нее было два имени. Одним – праздничным и заграничным – ее одарили родители в тайной надежде, что на дочке закончится серость, безденежье и какая-то тупая закольцованность их жизни, когда сегодня похоже на вчера так же, как на завтра. Ну сами посудите. «Элеонора отбросила вуаль и смело взглянула в глаза князя». Звучит? А вот «Элеонора сунула ноги в разношенные боты и погнала скотину со двора» – вроде как железом по стеклу. Так родители заманивали перемены, задабривали случай. Заискивали перед судьбой. Через имя пытались пробить окошко в другую жизнь. Искренне веря, что другая – обязательно лучше.

Про другую жизнь им пела Майя Кристалинская. Там было чисто, хрустально и трогательно: нежные женщины и влюбленные в них мужчины. Пейзаж за окном эту идиллию разрушал. Может, поэтому, когда смотрели телевизор, старательно задергивали шторы. В деревне, где жили родители Элеоноры, было много труда, водки, тоски и веселья. Но не того веселья, о котором пел Хиль в своем симпатично-стиляжном «Тро-ло-ло», а громкого, с похабными шутками, угарного, сползающего в драки, переходящие в братания. Детство Элеоноры проходило в советской деревне, еще не знающей, что скоро она станет постсоветской.

Второе имя пришло само. В сельмаге было негусто с выбором, да вообще там было негусто. Чтобы порадовать дочку, родители часто покупали простенькие карамельки, называемые в народе «Дунькиной радостью». Маленькая Элеонора так им радовалась, что вызывала неизменное: «Ну чистая Дунька!» С того и пошло.

С двумя именами жить оказалось очень удобно. Если ребята на улицу зовут, то можно ответить: «Элеонора еще уроки не сделала, нечего ей с вами шастать». А когда скотина не кормлена, то крик столбом: «Где эту Дуньку черти носят?» Она и сама быстро освоилась с двумя регистрами, умело переходя с одного на другой. Первая попытка соседского пацана поцеловать ее была срезана вопросом: «Думаешь, Дуньку нашел?» В мечтах маячил смутный образ стоящего на одном колене мужчины, который в этой неудобной позе откровенно признавался: «Элеонора, без вас мне не жить».

Но мечты мечтами, а жить надо правильно, то есть конспиративно. Прилюдно мечтать следовало о приходе коммунизма. Дунька это понимала не хуже остальных. Вообще она росла сметливой и смешливой. Тему для выпускного сочинения выбрала «свободную», хотя свободы там наблюдалось мало. То есть свобода должна быть правильной, идейно выверенной. Выбор пал на книгу Виля Липатова «И это все о нем», в которой молодой парень боролся с мещанством до того истово, что плохо кончил. Дело завершилось летальным исходом.

Природная смекалка подсказала, что эпиграфом к выпускному сочинению лучше взять не Белинского, а Брежнева, приписав ему пафосную фразу про дух коммунизма, обуявший молодые сердца. Со ссылкой на какой-то съезд. Брежнев такого не говорил, ему в последние годы жизни и говорить-то трудно было. Но Элеонора быстро смекнула, что разоблачать ее никто не будет. Какие к ней претензии? Съезд прошел? Прогресс. Мог Брежнев такое сказать? Не просто мог – обязан. А если не сказал, то это его прокол, конкретная недоработка. Элеоноре претила такая халтура, но Дунька пришла на помощь, взяла грех на себя. Кажется, это был единственный элемент творчества в выпускном сочинении. Остальное она списала со шпаргалки, заменив борьбу с фашизмом на борьбу с мещанством. Нет, книжку «И это все о нем» она не читала, но кино смотрела, с красавцем Костолевским в главной роли. При плотно зашторенных окнах, чтобы не вносить стилевой диссонанс между экраном и картинкой за окном.

Окончив школу, выпускники стали паковать чемоданы. Массовый летний исход деревенской молодежи в город – такое же обычное дело, как весенняя посевная. Разные Светки, Ленки и Надьки подались на поиски городского счастья. Девушке с именем Элеонора было категорически невозможно оставаться здесь. Дунька еще могла бы, а Элеонора нет.

Город принял ее равнодушно, по принципу «Живи, раз приехала». Но в молодости и этого достаточно, чтобы радоваться. Между «равнодушно» и «радушно» не такая уж большая разница, когда тебе 17 лет. Разница между институтами тоже казалась несущественной. Пошла туда, куда конкурс оказался проходимым – в институт легкой промышленности. Легкая – не тяжелая, звучит без угроз. Прошла на экономический факультет, что заурядно, но надежно. Брежнев оповестил, что «экономика должна быть экономной». А если не получится? Значит, будет неэкономная экономика, то есть место для работы все равно найдется.

Студенчество началось с выезда в колхоз. Будущих первокурсников отрядили собирать картошку, поднятую на поверхность земли специальной техникой. Техника резала клубни, и душа Дуньки плакала. Но Эля, как стали звать ее в студенческой среде, на такие пустяки не отвлекалась. Нужно в ближайшие несколько лет получить профессию, мужа и квартиру. На сострадание клубням времени не оставалось. Она тянулась рукой за картошкой, а глазами обшаривала однокурсников. Руки находили клубни легко и споро, а вот глазу остановиться было не на чем, точнее, не на ком. Сыновья из правильных семей ушли в торговый институт. Умные парни, разумеется, мечтали стать физиками. Энтузиасты осели

в геологическом. В легкой же промышленности всплыл на поверхность сплошной некондиционный материал, да еще и со странностями.

Никогда в жизни она не слышала, чтобы комплимент звучал так: «Вот это вытачка! Необычно до оригинальности. Сама придумала?» Дунька чуть не сказала, что мать на скорую руку застрочила старую рубаху, на глазок. Но Эля вовремя ее одернула, ввернув про иностранный журнал, про модные тенденции. А что? Могло быть в журнале? Вполне могло. А если нет, то это их недоработка, конкретный прокол. Можно сказать, что она не соврала, а выгородила журнал, прикрыла его своим телом. Так благодаря нестандартной вытачке у нее появился первый ухажер – Виктор. Хотя это имя было ему велико, словно на вырост. Однокурсники, будущие технологи одежды, легко подогнали его имя по фигуре, превратив в Витька.

Витек не обижался. Он вообще мало реагировал на внешние раздражители типа холода, голода и звука. Он отзывался только на цвет и форму. Даже телогрейки, в которых собирали картошку, пробудили в нем буйную фантазию. Эля однажды заглянула в его блокнот, который он марал при каждом удобном и неудобном случае, и звонко рассмеялась. Телогрейки были изукрашены цветами и подпоясаны платками. Вообще-то платки на головах носят, это Эля знала точно. Чудак, однако. А красиво, это когда платье как у принцессы. Телогрейка – она и есть телогрейка. Несуразность рисунка

поставила крест на интересе к Витьку.

Зато Витек из всех раздражителей мира выделял только Элю, попав в полную эмоциональную зависимость от нее. Она могла ввергнуть его в депрессию простым наклоном головы. Витек был похож на цыпленка, который преданно идет за тем, что увидел первым, когда вылупился из яйца. Хорошо, если это курица, но может оказаться и теннисный мячик. Вылупившись из школьного яйца в студенческий мир, огромный и яркий, Витек уткнулся в Элю, в ее оригинальную вытачку. И оторваться не мог. Эля была для него больше чем первая любовь. Она стала для него частью его биологической цепочки, цыплячьим рефлексом. Эля тяготилась его вниманием. Ей нужен мужчина, стоящий перед ней на одном колене, а не мальчишка, рухнувший сразу на оба. Разница в одну ногу оказалась существенной. И даже предложение он сделал в той форме, что подразумевала отказ: «Ты не выйдешь за меня замуж? Никогда-никогда?» Ответа не требовалось. Он сам спрашивал, сам отвечал.

Но у Витька была квартира, прописка и терпение. Все вместе решило дело. Нет, Эля знала, что без любви замуж выходить нельзя. Очень убедительно писала об этом в школьном сочинении про бой мещанству. Но начались девяностые, когда прежние заповеди летели в тартарары. Столпы прежнего миропорядка собрались в Беловежской Пуще и сообразили на троих, что СССР – огромное красное пятно на карте – лучше заменить веселенькой мозаикой разноцветных госу-

дарств. Эля подумала, что в новой ситуации особо актуальной становится песня «есть только миг, за него и держись». И схватила за Витька. На фоне реальной угрозы возвращения в деревню он показался очень даже неплох. И где она найдет лучше? В ее бухгалтерии, куда она попала после института, работали только женщины. К тому же шальные эскизы Витька куда-то посылали, в ответ приходили какие-то дипломы. В воздухе витали фразы, что «этот парень далеко пойдет». Эля решила, что далеко пойдут они вместе. «Вместе весело шагать по просторам, по просторам», – напевала Эля по дороге в загс.

* * *

Если бы у теннисного мячика имелись глаза, то однажды он заметил бы, что цыплят сзади больше нет – выросли, исчерпали инстинкт, отрезали его от своей биологической цепочки. Но у теннисных мячиков нет глаз и нет чувств, им все равно. А у Эли глаза имелись. И ей не было все равно. Она видела, что Витек странным образом превратился в Виктора, которого с придыханием приглашают к телефону, зовут то в Париж, то в Суздаль. По мере того, как страна переходила на китайский ширпотреб, на Западе в моду входил «русский стиль». Виктор вдыхал этот стиль в Суздале, а выдыхал его в Париже. От правильного и размеренного дыхания он приобрел уверенность, деньги и славу. Словом, то, что нравит-

ся женщинам, которые в сущности везде одинаковые – что в Суздале, что в Париже. Эля это понимала.

А вот Виктор понимал ее с годами все хуже. Хотя, может, и понимал. Но вот принимал с трудом. Однажды Эля купила любимые с детства конфеты, устроилась поудобнее перед телевизором. Виктор все испортил:

– На «Дунькину радость» потянуло?

– Что значит потянуло? Ты говоришь так, будто я в носу ковыряюсь.

– Не начинай, пожалуйста.

– Я не начинаю. Но ты не хочешь понять, что это конфеты моего детства. Я не на трюфелях выросла.

– Да понял я это. Уже понял.

Не понравилось Эле, как он это сказал – колко и холодно. Шероховатостей в отношениях становилось все больше. И телефон все чаще молчал, когда трубку брала Эля.

Можно, конечно, сохранить видимость семьи, оставив себе роль музы. Дескать, она – родник его вдохновенья, а остальным готова поделиться. Но это не проходило ни в каком формате. Меньше всего Эля походила на музу. И чем дальше, тем меньше. Катастрофой было то, что Эля не умела носить наряды мужа. Труд, фантазия, талант Виктора жухли и корчились на линиях ее тела. Дело даже не в объеме, а именно в линиях, которые как-то спрямляли одежду, делали ее не то чтобы простой, но простоватой.

Виктор самолично одевал Элю в свои придумки, фор-

мировал складки, подвязывал пояс. Он колдовал долго и трепетно. На Элеонорин вкус получалось как-то небрежно, можно даже сказать, неаккуратно. Эля подходила к зеркалу и с тщательностью бухгалтера поправляла его работу. Одергивала, выпрямляла, заправляла, оглаживала ладонью по бедрам. Словно солдат по команде «Оправиться!». Одежда лишалась шарма, имея столько же сходства с творениями Виктора, как математика Лобачевского с бухгалтерским балансом.

Виктор плюнул. Но плюнул как-то в себя, внутрь, словно перегорел. Как в той сказке, жил да был: был дома, а жил вне его. Жить он предпочитал с манекенщицей Ингой, которую можно нарядить в мешок и восхититься. Для Виктора это равносильно душевной близости, потому что одежда для него являлась мерилom гармонии и красоты. Инга была высокой, с очень длинными и стройными ногами, за это Эля называла ее цаплей. Но Виктор из семьи не уходил, все-таки там жила память о молодости. Инга не могла повлиять на него ни через кухню, ни через спальню.

Дело решил случай. Однажды Виктор гулял с Ингой по лесу, и вдруг пошел дождь. Даже не дождь, а дождище, словно в небе выбило днище. Они промокли до последней нитки. Решили обсушиться в ближайшей деревне. Хозяйка приняла мокрую одежду и выдала телогрейки. Инга примерила телогрейку и этим решила долго стоявший вопрос их будущего. Виктор почувствовал, что руки чешутся расписать телогрей-

ку славянскими рунами, подпоясать павловским платком. Гениальная идея отрикошетила в прошлое. Виктор словно вернулся в точку, где были картошка, полевая кухня, девочки в телогрейках и его свободный выбор. На этот раз он выбрал не Элю, а Ингу.

* * *

Развод Эля переживала тяжело. Подруги говорили: «Хорошо, что детей нет». А это как раз самое печальное, потому что возраст подпирал. Надвигался сорокалетний рубеж с приданым в виде гарантированного одиночества. Пока имелся муж, бездетность была одна на двоих. Они как бы делили это несчастье. А теперь все досталось ей одной. Виктор продолжал себя в коллекциях одежды, которым рукоплескал мир. А ей? Продолжать себя в квартальных отчетах? К тому же она знала им цену. К реальности они не имели никакого отношения. Хозяева «оптимизировали налоги», то есть как могли скрывали обороты от государства. Чем меньше был официальный оборот фирмы, тем большую премию получала Эля. Такая «экономная экономика» не снилась Брежневу, хотя о нем уже не вспоминали.

Эля реагировала на короткую память людей болезненно. Как будто ей лишний раз доказывали, что даже известных и знаменитых забывают. Что все эти звания, мавзолеи, почести только тешат иллюзией благодарной памяти. А вот она

свою бабушку помнит и любит, как в детстве, только сильнее. Память хранилась в каких-то маленьких сундучках. Вот сундучок про то, как бабушка укладывала ее спать. Эля боялась темноты и засыпала, накручивая на палец прядь бабушкиных волос. А вот сундучок про умершего цыпленка. Шапашик над его могилкой Эля сделала из любимых бабушкиных цветов, вырвав их с корнями. И как бабушка плакала, то ли по цветам, то ли по цыпленку. И еще сундучок про сеновал, где бабушка играла на гитаре, на настоящей семиструнной, про Марусю, которая отравилась соленым огурцом. И кому эти сундучки передать? Кто ее будет помнить?

Эля почувствовала себя не отдельным человеком, а проводником от прошлого в будущее. При таком ракурсе развод становился мелкой подробностью ее жизни, никому не интересной частностью. Важна только сцепка поколений, череда вагончиков. И если на каком-то вагоне нацарапано, что «Эля – дура» или что «Витек – козел», то поезду от этого ни тепло, ни холодно. Надпись мелькнет на скорости, слов и не разобрать, только общий строй вагонов важен. Она не имеет права прервать линию. Это не ее личное «хочу ребенка», это долг, закон, высшее требование, которое она должна выполнить. Любой ценой.

Врачи подтвердили то, что она давно знала: родить она не сможет. Но если раньше на этом месте у Эли наворачивались слезы и она, стесняясь своей ущербности, поспешно уходила, то сейчас в глазах было сухо и твердо, как у каменной

бабы, которую не сдвинуть.

– И что мне делать?

– Живут и без детей, жизнь не ограничивается материнством, – врач повторил заученную фразу.

– Пусть живут. Это их дело. Мне нужен ребенок.

– Про усыновление не думали? – дежурно поинтересовался врач.

Внутри зашевелилась Дунька: «Не дождетесь». В Элиной обработке прозвучало:

– Это не мой случай.

– Ну тогда выход для вас один: суррогатное материнство. Чтобы другая женщина выносила вместо вас. Из вашего генного материала. Муж на это согласится?

– Мужа нет.

– Тогда можно использовать донора.

– Лучший донор – бывший муж.

– Прекрасная мысль, – искренне восхитился врач. А про себя подумал, что в таком случае бывших мужей не бывает, как не бывает бывших офицеров. Просто есть офицеры запаса и уволенные в запас мужья. – Ну тогда ждем вас.

– До скорого, доктор.

Эля встала и покинула кабинет. Врач озадачился. Обычно пациенты готовы говорить на такие щекотливые темы часами. У него имелись фирменные приемы подталкивания их к выходу. Например, он говорил, что ему пора на консилиум. А тут сама ушла. Ну точно – каменная баба.

* * *

Эля залезла в интернет. Суррогатное материнство оказалось заезженной темой. Будучи по убеждениям заскорузлой материалисткой, а по образованию экономистом, она поняла, какой шикарный бизнес построен на человеческом несчастье. И сколько афер тут проворачивается. Через несколько дней она разобралась в теме досконально.

Рынок суррогатного материнства набирал размах в мировом масштабе. Были страны, которые откровенно демпинговали, сбивали цены, например Индия с ее бараками, заполненными беременными женщинами. Плотный ряд нар, как в концлагере, с тем отличием, что нет второго яруса. Беременным лазить тяжело, свалятся – хлопот не оберешься. Товар пропадет. Спрос был устойчивым, потому что во многих развитых странах этот бизнес запрещен – по моральным, этическим, религиозным соображениям. Суррогатное материнство выносили в страны третьего мира, как вредное производство. В Индию, в Белоруссию, в Россию. С глаз долой. Разделение труда, однако. Бедные рожают для богатых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.